

КЭТЛИН
Э. ФЛИНН

ПРОЕКТ
«ДЖЕЙН ОСТЕН»

в переводе Дины Ключаревой

Кэтлин Э. Флинн

Проект «Джейн Остен»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69857854

Проект «Джейн Остен»:
ISBN 9785005802941

Аннотация

Лиам и Рейчел – пришельцы из будущего, сотрудники Королевского института узкоспециальной физики. Их отправляют в 1815 год после того, как становится известно, что великая писательница Джейн Остен написала не шесть, а семь романов. Но седьмой – прежде считавшийся незаконченным – она дописала и... уничтожила. Теперь Лиаму и Рейчел нужно не просто втереться в доверие к Джейн Остен и всей ее семье, но и каким-то образом выкрасть роман до того, как она его уничтожит.

Но, конечно, будущему не так-то просто справиться с прошлым, и на пути Лиама и Рейчел встают не только непредвиденные трудности, связанные с социальными условностями тех времен. Постепенно они начинают все больше и больше задумываться о том, этично ли играть со временем – даже, если на кону не только неизвестный роман Джейн Остен, но и ее жизнь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	46
Глава 3	83
Глава 4	118
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Кэтлин Э. Флинн

Проект «Джейн Остен»

Яреку

*– Спеши, спеши, – говорила птица, – ведь людям
Труднее всего, когда жизнь реальна.
Прошедшее, как и будущее,
Ненаставшее и наставшее,
Всегда ведут к настоящему¹.*

Т. С. Элиот. Бернт Нортон

Глава 1

5 сентября 1815 года

Летерхед, Суррей

До чего чокнутой надо быть, чтобы отправиться в прошлое? В те дни я не раз задавалась этим вопросом, но ни разу он не стоял так остро, как в тот миг, когда я пришла в себя и поняла, что лежу на сырой земле. Трава колола загривок; я видела небо и кроны деревьев, чувствовала запахи почвы и разложения. Такое ощущение бывает после обморока или когда после долгой дороги просыпаешься в непривычной постели: не понимаешь не только, где ты, но и кто ты.

Лежа там, я вспомнила, что меня зовут Рейчел. Тело вошло в резонанс с разумом, и я села, поморгала, потерла глаза и огляделась – ничего особенного, сплошь невыразительная серость. Я перебрала в уме побочные эффекты перемещения по кротовой норе: учащенное сердцебиение, аритмия, кратковременная амнезия, перепады настроения, тошнота, обморок, выпадение волос. Проблем со зрением в этом списке не было. Возможно, ученые об этом эффекте еще не знают.

Листья шелестели на ветру, и этот звук контрастировал с монотонным стрекотом, который, судя по всему, издавало некое насекомое, давно вымершее в моем собственном времени. Меня привел в восторг воздух 1815 года: влажный и насыщенный запахами, названий которым я не знала, он навевал воспоминания о питомнике старинных растений со стеклянным куполом в Бруклинском ботаническом саду, куда нас возили на экскурсии. *Когда-то, дети, весь мир был именно таким.*

Лиам в метре от меня, на том же расстоянии, что и в шлюзе, лежал лицом вниз и подозрительно неподвижно. Аритмия способна вызвать остановку сердца. И как тогда быть? Лишиться коллеги в самом начале миссии – неужели я и правда настолько невезучая? Мне придется изображать вдову – единственный класс одинокой женщины, к которой здесь положено проявлять уважение и обходительность...

– Ты жив? – твердо спросила я.

Он не ответил. Я подползла ближе и прикоснулась к его сонной артерии – к моему облегчению, пульс имелся. Дыхание было частым и поверхностным, кожу покрывал холодный пот. Позади него в тусклом свете бледнела поросль деревьев с белыми стволами – забыла, как они назывались. Сердце колотилось и у меня; я сделала медленный вдох и пристально посмотрела на белые деревья.

Березы! На ум пришло еще одно слово: *сумерки* – явление, которое в моем времени оставалось незримым, поскольку жизнь была расцвечена электрическим светом. Естественный свет – это выражение мы узнали из словаря, равно как и термины *растущая луна, убывающая луна, прибывающая луна, лунный серп* и названия основных созвездий. В памяти снова всплыли стальные коридоры Королевского института узкоспециальной физики, и перед глазами, словно на быстрой перемотке, пролетел тот год, что я там провела: занятия танцами и верховой ездой, уроки музыки и этикета, бесконечное чтение. Наш путь к шлюзу, последние проверки, торжественный обмен рукопожатиями со всей командой проекта «Джейн Остен»...

Я здесь. У нас получилось.

– Ты жив? – снова спросила я.

Лиам застонал, но перекатился на бок, сел и обвел взглядом окружавшие нас березы, поле и лесополосу. Расположение для портала команда выбрала с умом: место было совершенно безлюдное.

– Сейчас сумерки, – объяснила я, – поэтому все так выглядит.

Он повернулся ко мне, вопросительно выгнув темные брови.

– Вдруг ты не понял.

– Я понял. – Эти слова он произнес медленно, тихим голосом. – Но спасибо.

Я посмотрела на него искоса, гадая, был ли то сарказм, – хотелось надеяться, что это он. Когда мы с Лиамом проходили подготовку к миссии в институте, нечто в нем всегда ускользало от меня. Слишком уж сдержанным он казался – с такими людьми ни в чем нельзя быть уверенной.

Я встала – голова закружилась, – поправила шляпку и, стряхнув с платья землю и травинки, сделала несколько неловких шагов – мой многослойный наряд шуршал, пачка банкнот, спрятанная в корсете, впивалась в тело.

Лиам задрал голову, принюхался. Распрямив руки и ноги, он поднялся с удивительной грацией – как показывает мой опыт, рослые мужчины обычно неуклюжи, – потянулся, поправил кудрявый докторский парик, посмотрел вбок и замер.

– Это то, о чем я думаю?

Приглядевшись, я различила дорогу: тракт шириной с телегу, чуть дальше расходившийся в две стороны. На самой развилке стояла виселица: железная рама высотой в человеческий рост, похожая на жуткую птичью клетку, на которой

что-то...

– Ох.

– Значит, они действительно были всюду, – сказал он. – Либо это просто нам так повезло.

Осознав, что с той стороны исходил один из запахов, которые я учуяла, я с отвращением уставилась на мертвеца – его пустые глазницы, казалось, смотрели на меня в упор. Гниение явно продолжалось уже некоторое время – труп был где-то на полпути между свежим и иссохшим, – но в этом сумраке сказать точно было сложно. Возможно, он был разбойником – здесь принято вешать осужденных возле мест их преступления в назидание остальным. Возможно, если все пойдет наперекосяк, нас ждет та же участь.

Я задержала дыхание, но вонь все равно проникла в нос. Я сталкивалась с мертвецами, еще когда училась на медика, делала вскрытия – но подобного не видела. Хотя однажды, во время моей работы волонтером в Монголии, кое-кого захоронили по ошибке, и тело пришлось эксгумировать... От этой мысли к горлу подступила тошнота, и я, схватившись за шею, согнулась от рвотных спазмов. Когда они прошли, я промокнула глаза и выпрямилась – хмурый Лиам пристально за мной наблюдал.

– А ты сама-то как?

Его длинные ладони – бледные пятна, которыми заканчивались темные рукава его пальто, – вспорхнули в угасающем свете дня, будто он хотел коснуться меня, но не мог по-

нять, до какой части моего тела можно дотронуться. До плеча? До локтя? До руки? За какую часть тела можно потрогать коллегу противоположного пола, когда ей плохо, но так, чтобы жест вышел не слишком интимным? Так и не найдя ответа на свой вопрос, он опустил руки – те повисли вдоль его тела; несмотря на ужас от соседства с покойником, это было смешно.

– В порядке, – ответила я. – Все отлично. Давай-ка двигать отсюда.

Мы отвернулись от виселицы. Суеверия мне не свойственны, но я понадеялась, что наш путь к гостинице пролегал не мимо нее.

– Север. Если солнце там – с одной стороны горизонт светлее, – значит, север в той стороне.

– Пожалуй, да, потому что в той стороне Венера, так?

– Венера?

– Вон та яркая точка на западе...

Я подавила прилив раздражения от того, что не заметила ее сама.

– Да, именно!

Мы направились в нужную сторону, сделали несколько шагов вперед, но Лиам вдруг крутанулся на месте.

– Матерь божья. Метка для портала.

Тихо выругавшись, я тоже развернулась. Неужели мы чуть не забыли нечто настолько важное? Две вмятины на траве отмечали не что иное, как контуры наших тел. Лиам вынул

металлическую метку из внутреннего кармана пальто и вдавил ее как можно глубже в землю ровно между вмятинами – заостренный синий кончик метки был едва заметен.

– Спектронанометр? – намекнул он.

Я нащупала устройство, которое висело у меня на шее, – с виду янтарная капля на серебряной цепочке – и сдавила его. Оно ожило: завибрировало и пикнуло, сигнализируя, что метка рядом. Когда я отпустила его, меня затрясло. Настройки у портала были точные – и временной интервал действия, и геопозиция; мы ни за что не отыскали бы его наугад. Из другого кармана Лиам достал собственный спектронанометр – его устройство походило на маленькую табакерку, которую нельзя было открыть, – и, сжав его, замер. Ничего не произошло. Он что-то буркнул себе под нос, потряс устройство и повторил попытку.

– Дай сюда. – Я забрала у него серебристый предмет и осторожно стиснула его. Он завибрировал и пикнул; я разжала ладонь и вернула его Лиаму. – Капризные штуки.

– Очевидно.

Вокруг становилось все темнее, заметно похолодало – пора было двигаться в путь. И все же мы молча стояли там, откуда тянулась последняя ниточка, связывавшая нас с местом, из которого мы прибыли. Сколько всего должно произойти, прежде чем мы снова здесь окажемся – если предположить, что мы вообще сумеем сюда вернуться?

– Пойдем, – наконец сказала я. – Нам пора.

Мы шли по тракту, Лиам шагал размашисто, и вскоре я начала отставать, хотя обычно хожу довольно быстро. До сего момента полусапожки, вручную сшитые командой отдела костюмеров, я носила только в помещении. Подошвы у них были настолько тонкие, что ступни чувствовали каждый камешек. И все вокруг было таким же выпуклым: запахи травы и земли, крик совы вдалеке – это явно была сова. Весь мир, казалось, гудел жизнью, переливался россыпью биомассы.

Впереди показался «Лебедь» с арочным проездом во внутренний дворик и дальше к стойлам – контуры здания из беленого кирпича проступили в пляшущем свете факелов, закрепленных на его фасаде. Когда мы подошли чуть ближе, до меня донеслись мужские голоса, тихое ржание лошади, собачий лай. От страха, морозцем пробежавшего по хребту, у меня закружилась голова. Я резко остановилась. Дальше идти не могу. Я должна идти дальше.

Лиам тоже остановился. Он встряхнулся и сделал пару звучных и протяжных вдохов. А затем неожиданно крепко ухватил меня под локоть, и мы двинулись вперед, к двери под деревянной вывеской с изображением лебедя.

– Помни: говорить буду я, – сказал он. – Здесь все решают мужчины.

И мы вошли внутрь.

Там было теплее, но довольно темно: под балочным потолком вились клубы табачного дыма, горели свечи – их све-

та явно не хватало – и большой камин. Горстка мужчин стояла у огня, остальные расположились за столами, уставленными пивными кружками, тарелками с хлебом, говядиной, ветчиной, дичью и прочей неопознаваемой снедью.

– Смотри, сколько мяса, – шепнула я. – Невероятно.

– Тсс, не пялься.

– Видишь кого-нибудь похожего на местного работника?

– Тсс!

И тут он подошел к нам – невысокий мужчина в мешковатом костюме и засаленном фартуке. Он вытер руки грязной тряпкой и с хмурым видом смерил нас взглядом.

– Только прибыли, значит? Лошадей ваших нашлось кому принять али нет?

– Друзья подвезли нас в своем ландо. – Лиам расправил плечи и навис над женщиной. – Нам понадобятся комнаты, чтобы переночевать, а утром – коляска до города. – Он заговорил по-другому, даже его голос зазвучал иначе: он нарочито растягивал гласные, тон сменился на гнусавый, более пронзительный. Во время подготовки мы выполняли много заданий на импровизацию, однако ни разу у меня не возникало такого жуткого чувства, как сейчас: его словно подменили.

– В ландо? – переспросил трактирщик. – Не видел, чтобы тут такое проезжало.

– Если бы оно тут проезжало, нас бы высадили прямо у дверей.

Звучало вроде логично, но мужчина снова пристально уставился на нас, нахмурившись пуще прежнего.

– *À pied*², значит?

Я не сразу поняла, что он имеет в виду; это было похоже на что угодно, кроме французского языка.

– И ни единого сундука с вами нет? Не-а, нет у нас свободных комнат.

Трое мужчин за ближайшим столом – линялые черные костюмы, парики набекрень – так засмотрелись на нас, что забыли про еду.

– Можете поужинать, а потом ступайте восвояси. – Он махнул кому-то в подсобке. – Только сначала докажите, что при деньгах.

Провинились ли мы тем, что, явившись без лошадей, произвели впечатление бедноты, или что-то еще было не так: наши манеры, наша одежда, мы *сами*? И если это заметил первый же встречный, то каковы наши шансы здесь выжить – не говоря уже о том, чтобы преуспеть? Лиам так сильно побледнел и покачнулся, что я разволновалась, не потеряет ли он сознание – это был известный побочный эффект путешествий во времени. Страх вынудил меня рискнуть.

– Уильям! – заныла я и, вцепившись в рукав Лиамы, ухватила его под локоть, чтобы поддержать. Он опустил на меня взгляд – зрачки его расширились, я услышала, как он набрал в грудь воздух. Не глядя на сердитого трактирщика, я пе-

² Пешком (фр.).

решла на громкий шепот, и, хоть в горле у меня и пересохло, акцент я изобразила блестяще: – *Говорила же тебе*: папа сказал, что это безобразное место. Комнат у них нет, но, может быть, найдутся лошади. Ночь лунная! Почтовая карета и четверка, ну, может, двойка – и мы будем на месте к утру. Я обещала, что навещу леди Селден, как только мы доберемся до города, а это должно было случиться еще на прошлой неделе, если бы только не сэр Томас с его бесконечной подагрой.

Лиам перевел взгляд с меня на трактирщика и, растягивая слова, сообщил тому:

– Сэр, слово сестры – закон. Будь у вас экипаж и лошади, я бы с радостью доказал, что деньги имеются, и, надеюсь, распрощался бы с этим заведением навсегда. – Он вынул золотую монету – подлинную гинею восемнадцатого века, – подбросил ее и поймал.

Я затаила дыхание. Что, если в трактире не найдется свежих лошадей или свободной коляски? Такое случалось – животные и транспорт постоянно перемещались между постоянными дворами. А после того как Лиам продемонстрировал, что у нас есть золото, мы превратились еще и в мишень для грабителей.

Взгляд трактирщика переполз с меня на Лиаму, затем обратно. Я возвела глаза к потолку, надеясь, что всем своим видом выражаю надменное презрение.

– Я разужнаю в конюшне, сэр. Вы и леди изволите при-

сесть?

Прежде чем мы очутились в почтовой карете – крошечной, выкрашенной в желтый цвет, пропахшей плесенью, лошадьми и влажным сеном, которым был выстелен пол, – на улице успело похолодать, взошла растущая луна. В трактире мы выпили выдохшегося красного вина и поковыряли неприятного вида мясной пирог с кожистой корочкой; сидя в углу, мы ощущали на себе тяжелые взгляды и не отваживались поверить, что карета все-таки найдется, пока не явился коридорный, чтобы проводить нас к транспорту.

Выносной взлетел на одну из лошадей, а крупный мужчина, вооруженный двумя револьверами и медным рожком, кивнул нам и забрался на запятки. За него пришлось доплатить, отчего стоимость путешествия почти удвоилась, но этой ночью встреча с дорожными разбойниками оказалась бы некстати.

– Ты отлично там справилась, – сказал Лиам своим обычным голосом – так тихо, что мне пришлось податься к нему, поскольку в этот миг наша карета со скрипом покидала постоялый двор. На одном сиденье вполне уместилось бы трое худощавых людей. Из окон, выходявших вперед, дуло; вид из них открывался на фонари по обе стороны лежавшей перед нами дороги на Лондон и два мясистых лошадиных крупа. – Быстро соображаешь. Знаю, я велел тебе молчать, но...

– Бессмысленная просьба. Ты ведь уже неплохо меня знаешь.

Он исторг нечто среднее между кашлем и усмешкой и, чуть помолчав, сказал:

– У тебя правда не было сценического опыта? До сего момента, я имею в виду.

Мне вспомнились импровизации, в которых мы участвовали во время подготовки: скажем, сцена знакомства с Генри Остеном или покупка шляпки.

– Откуда бы ему взяться?

Нас слегка подкидывало на неровной дороге, за черными кронами деревьев виднелась луна, мир за границами фонарного света был устрашающе монохромным, почти бездонной тьмой, но при этом насыщенным запахами. По инструкции от команды проекта первую ночь нам следовало провести рядом с порталом, в Летерхеде, – сначала прийти в себя после перемещения во времени, а потом уже штурмовать город. Материализоваться в Лондоне, набитом зданиями и людьми, было рискованно. Отправиться в дорогу ночью тоже было рискованно, но вариантов у нас не осталось. Интересно, гадала я, что же еще пойдет не по плану.

Не знаю, сколько я проспала, но, когда проснулась, меня колотило от холода. Лиам задремал, упершись головой в окно – его парик сполз набок, – и теперь похрапывал. Я плотнее закуталась в шаль, завидуя его жилету, шейному платку и сюртуку – легкому, но все же шерстяному, а также ботфортам – высоким и с кисточками. На мне тоже было несколько слоев одежды, однако им не хватало плотности,

свойственной мужскому костюму: сорочка, небольшое состояние в виде набитого монетами, поддельными банкнотами и аккредитивами кошелька, примотанного к моему стану, а поверх всего этого – корсет, нижняя юбка, верхнее платье и шаль – синтетическое подобие кашмирского узорчатого платка. Плечи прикрывало тонкое кружевное фишю³; на мне также были вязаные хлопковые чулки, элегантные перчатки из искусственной лайки и соломенная шляпка, а вот штаны отсутствовали – в обиход им предстояло войти уже в этом веке, но несколько позже.

Тьма понемногу рассеивалась. Я с изумлением уставилась в окно: в какой момент сельский пейзаж успел смениться городским? В институте мы разглядывали старые карты, полотна и гравюры; детализированные 3D-проекции, показывавшие город с высоты птичьего полета, светились на настенных мониторах. Но, несмотря на все время, потраченное на их изучение, ничто не могло подготовить меня к такому: запахам угольного дыма и растительности, скрипу коляски, цокоту копыт, стучавшему в ушах, как мое собственное сердцебиение, – к еще чему-то вроде силового поля, будто Лондон был другой планетой, гравитация которой так и тянула меня к себе.

В Лондоне эпохи Регентства с человеком могло случиться что угодно: вас мог сбить насмерть экипаж с понесшей

³ Фишб – тонкий треугольный платок из легкой ткани или кружев, прикрывающий шею и декольте.

лошадью, вы могли заболеть холерой, лишиться состояния, неудачно заключив пари, или чести, по глупости сбежав с возлюбленным. Надеюсь обойтись без опасных приключений, мы намеревались обосноваться в фешенебельном районе и заявить о себе как о богатых приезжих, что нуждаются в поддержке, друзьях и доходных инвестициях, – все ради того, чтобы попасть в круги, в которых вращался Генри Остен, общительный лондонский банкир и любимый брат Джейн Остен. А уже через него, опираясь на знания о том, какие события поджидали семейство осенью, подобраться к самой писательнице.

Я устроилась поудобнее рядом с Лиамом, единственным источником тепла в холодной карете, чувствуя, как облегчение, которое я испытала, когда мы покинули «Лебедь», съезжилось в комок тревоги обо всем, что ждало впереди. Меня мутило от поездки в подпрыгивающей коляске, от противного запаха плесени и лошадиного пота, от виселицы, мясного пирога и грубого трактирщика, которые все еще маячили перед глазами, и проект «Джейн Остен» уже не казался мне потрясающим. То, к чему я так стремилась, смахивало на тюремное заключение с отвратительной гигиеной, бесконечным притворством, угрозами для жизни. О чем я только думала?

Королевский институт узкоспециальной физики был не тем местом, которое могло бы вызвать интерес у человека вроде меня; я была весьма далека от его когорты исконных

британцев – работавших там аналитиков, ученых и шпионов. Узнала я о нем случайно – в постели посреди Монголии.

Норман Инг, пусть и крайне ответственный коллега, и благородный во всех отношениях человек, был весьма болтлив. Он обожал секреты, но хранить их совершенно не умел, о чем стоило бы догадаться, прежде чем переспать с ним и обнаружить, что я превратилась в объект непристойных сплетен, гулявших среди волонтеров. Впрочем, меня это не остановило: после землетрясения Монголия была мрачным, холодным и неудобным местом, худшим из всех, куда я когда-либо вызывалась волонтером. Или лучшим – если вашей целью было облегчение людских страданий, ибо здесь их имелось в избытке.

Однажды поздней ночью, расслабленный после совокупления, Норман рассказал мне о своем старом школьном друге, некоем докторе Пинге, ныне трудившемся в малоизвестном государственном исследовательском центре в восточной Англии.

– Хочешь сказать, что в Исконной Британии... Нет, это безумие. Ты выдумываешь.

– Они освоили реальное перемещение во времени, – повторил он. Ветер выл, остов юрты поскрипывал. – Рейчел, они совершили прорыв. Люди этого пока не понимают, но однажды оценят. Когда обнародуют результаты, все подряд станут причислять себя к исконным британцам, даже чаще, чем сейчас. Китайцы простят им опиумные войны.

Американцы – ой, вы, ребята, уже извинились за независимость, я и забыл. – Норман с его кембриджской ученой степенью и знатными предками, которые уехали из Гонконга еще до того, как тот в конце двадцатого века стал частью Китая, был исконным британцем, но вполне мог сойти и за иностранца.

– Это же уму непостижимо. Невероятно.

– Ты слышала о сервере «Прометей»?

Я зевнула – не спала с самого рассвета.

– Колоссальный источник энергии, суперкомпьютеры, что-то такое. – Короче, то, чего в нашем мире и так было предостаточно.

– Ты так говоришь, будто это нечто обыденное! Это событие прежде невиданного технологического масштаба! С достаточным количеством энергии и данных можно сделать расчеты для чего угодно, включая кротовые норы и поля вероятностей, а еще смоделировать все возможные варианты развития событий. И когда тебе по силам такое...

– Окей, давай представим, что это правда. И как же они используют такую умопомрачительную возможность?

– Проводят исследования. – Он произнес это таким напыщенным тоном, что я расхохоталась.

– А поточнее можно?

– Я не в курсе всех миссий. – В темноте его лицо было неразличимо, но в голосе сквозила обида. – Но об одной из планируемых расскажу – из-за нее я об этом и вспомнил.

Не знаю всех подробностей, но она касается Джейн Остен. Она считается важной исторической фигурой – уж не знаю почему...

– Потому что она гениальна, – перебила его я; Норман знал о моем восхищении Джейн Остен, все знали.

– А еще потому, что она важна для Евы Фармер. Ты же знаешь, кто это?

Имя было мне знакомо, но с ходу увязать его с человеком я не смогла.

– Одна из создателей сервера «Прометей». И, судя по всему, большая поклонница Джейн Остен. Она входит в научный совет института, а еще она... Точно не знаю. Она – важная птица. И лично заинтересована в проекте «Джейн Остен».

Я перекатилась набок, поближе к Норману. Верилось мне во все это по-прежнему с трудом, но стало интересно.

– И там что-то связано с медициной. Им нужен врач.

Услышав это, я надолго замолчала; просто лежала, вслушиваясь в вой ветра, скрип каркаса юрты и шорох собственного дыхания. Что-то у меня внутри перевернулось: накатил ледяной озноб, будто кто-то провел холодным пальцем по моей ключице.

– Норман, – наконец я подала голос, – представишь меня своему другу? – К знакомствам исконные британцы относились крайне серьезно: нельзя было просто взять и заявиться туда, где никого не знаешь. Но теперь мир играл по их пра-

вилам.

Ритмичное покачивание кареты, хруст гравия, перестук копыт, ночные запахи, сон. Проснувшись, я увидела встающее солнце – *рассвет*, – усеянную лодками серебристую ленту, которая могла быть только Темзой, и мост впереди. На той стороне царила пастораль: мы проехали мимо фруктового сада, стада овец, большого кирпичного дома с полукруглой подъездной дорожкой. Потом застройка начала становиться плотнее, улицы – сужаться, людей на улицах заметно прибавилось. Пыльный воздух был насыщен человеческими голосами и дребезжанием груженных повозок, которые заполнили дорогу вперемешку с неопрятными пешеходами, что брели, волоча на себе всякую всячину: тюки с одеждой, мешки с углем, свиные туши.

До чего чокнутой надо быть, чтобы решиться на путешествие в прошлое? Когда я отправилась в тысяча восемьсот пятнадцатый, мне было тридцать три года – ни партнера, ни детей, только волонтерство там, где случались гуманитарные катастрофы: в Перу, на Гаити и совсем недавно в Монголии. В остальное время я работала в отделении неотложной помощи госпиталя Бельвью в Нью-Йорке, а отпуск любила проводить там, где можно было пройтись по горам или поплавать в ледяной воде, – в тех уголках планеты, где такое все еще было доступно. Может показаться, что страсть к приключениям плохо сочетается с обожанием Джейн Остен, ее мудрости и остроумия, но во мне жило и то

и другое. То, о чем ночью поведал мне Норман, – Джейн Остен, путешествие во времени, – именно этого я ждала всю свою жизнь. Сама того не зная, разумеется, ведь кто способен вообразить такое безумие?

– Мы на месте, – шепнул Лиам; я не заметила, как он проснулся. – Он настоящий. Невероятно.

Вот теперь я начала узнавать здания: мы ехали мимо Гайд-парка в сторону Пикадилли, – и впечатления просто захлестывали. Карета вывернула на большую площадь, где высилась статуя всадника, окруженная оградой, и располагался наш пункт назначения – гостиница «Золотой крест». Мы на секунду притормозили перед мужчиной в ливрее, который спросил, что нам угодно, затем торопливо поднялись на один лестничный пролет, прошагали по тускло освещенному коридору и очутились в уединенной комнате отдыха с видом на площадь. Потом были горячая вода для умывания, бурные заверения, что Лиаму вот-вот подыщут брадобрея, и – наконец-то – завтрак.

Кофе принесли в высоком серебряном кофейнике, и его аромат оживил мой оптимизм касательно жизни в 1815 году. На вкус кофе был еще лучше: горячий, крепкий, как эспрессо, – он смыл дорожную пыль, которая успела осесть у меня в горле. Я обхватила чашку обеими ладонями и затрепетала от удовольствия.

Лиам взял булочку и понюхал ее. Укусил.

– Хм! – Откусил еще.

Я тоже попробовала. Вкус был не сравним ни с чем, что мне прежде доводилось есть, и я жевала медленно, одновременно анализируя свои ощущения и получая удовольствие: тесто было еще теплым, с приятной эластичной текстурой, солоноватым и с ярким ароматом. Сдержав стон наслаждения, я сказала:

– Может, мы просто попали в приличную гостиницу. И это большое везение, поскольку неясно, сколько еще времени уйдет на поиск постоянного жилья. – Задумавшись об этой задаче, а заодно и обо всех остальных, я почувствовала, как моя эйфория, подпитанная хлебом и кофе, угасает. – Непонятно даже, с чего начать.

Я сказала это просто так, безо всякой подоплеки, но Лиам ответил:

– Думаю, с одежды. На пошив уйдет некоторое время. – Он смахнул какую-то соринку с рукава. – Трудно изображать джентльмена, располагая всего одной рубашкой.

– В инструкции говорилось, что первым делом нужно сходить в банк. Это важнее. – Пока мы не положим деньги на счет, нам придется носить их на себе. – Команда проекта на этом настаивала.

– Но мы ведь вольны импровизировать, подстраиваться под неожиданно возникающие обстоятельства. Как симпровизировала ты, когда в «Лебеде» не нашлось свободных комнат.

– Предпочсть походу в банк поход к портному – это раз-

ве неожиданно возникшее обстоятельство? К тому же с тебя должны будут снять мерки – ты ведь не пойдешь туда со всеми примотанными к себе деньгами.

Он встал и скинул сюртук.

– Часть из них вшиты сюда под плечи. Но вот этого, конечно, нельзя будет не заметить... – Он расстегнул жилет и приподнял рубашку, а мне открылся вид на небольшой участок его упругого бледного, слегка волосатого торса. Я отвела взгляд в тот самый миг, когда он развернулся и бросил на стол такую же поясную сумку, как у меня, – из шелковистой ткани, с крошечными застежками-молниями, увесистую и пухлую, начиненную хлопковой бумагой. – Ты не против ненадолго поносить ее со своей? Швея не станет замерять тебе талию. – Он был прав. В 1815 году крой платья подразумевал завышенную линию талии, и юбка, свободная и летящая, начиналась точно под грудью.

– У меня столько под корсет не уместится.

Повисла пауза, а затем он сказал:

– Это только на сегодня, на время похода к портному.

– Не могу понять, почему ты считаешь, что отклониться от плана миссии – это хорошая идея. Мне не по себе разгуливать по городу, таская на себе все наше состояние.

Заправив рубашку, застегнув жилет, все подтянув и разгладив, Лиам снова сел за стол и подпер рукой голову. Его brutальные черты нельзя было назвать привлекательными: слишком выдающийся подбородок, неизменно хмурое

выражение лица и нос с небольшой горбинкой. Прежде чем попасть в научные круги, он где-то подрабатывал актером – отчасти поэтому его и отобрали для миссии, – но внешность у него была не та, что сама по себе двигает карьеру. Разве что глаза: я не могла не признать, что глаза у него были красивые – изящной формы, ярко-голубые.

– Мне тоже. Но мысль о походе в банк вызывает у меня те же чувства. Сегодня я не готов туда идти, Рейчел. Одежда не та, момент не тот, и мне нужно помыться.

Я молчала. Во время подготовки Лиам всегда держался холодно и официально, был вежлив, никаких эмоций не выказывал. Сейчас, кажется, он впервые за все время произнес что-то искренне и, пока я разрывалась между невольным сочувствием и нежеланием прицепить к себе еще одну пачку денег, сказал:

– Это – самое сложное из всего, что нам предстоит сделать, не считая знакомства с Джейн Остен – если допустить, что вообще мы сумеем его добиться. Банк не должен усомниться в нас ни на йоту. Если нас сочтут фальшивомонетчиками, то закуют в кандалы и отправят в Новый Южный Уэльс. Или на виселицу. – Шепотом он добавил: – А ведь мы и есть фальшивомонетчики.

Возможно, не спешить с походом в банк было вполне разумно. Я бросила взгляд на стол – на поясную сумку с деньгами – и мысленно перечислила действия, которые требовалось совершить для того, чтобы спрятать ее на себе. Раз-

даться с посторонней помощью было бы проще, однако я колебалась. Но неуместная стыдливость наделила бы этот момент важностью, которой тот явно не заслуживал, – не перегибаю ли я палку, стараясь следовать этикету 1815 года? Мою задумчивость развеял стук в дверь, и вопрос решился сам собой.

– Это брадобрей, сэ; буду рад побрить вас, если спуститесь в холл.

Лиам встал, но взгляд от меня так и не отвел.

– Сама справишься? Запри дверь. – С этими словами он вышел.

С платьем проблем не возникло: мне удалось расстегнуть три пуговицы на спине, и я стянула его через голову. Затем выпуталась из нижней юбки и распустила корсет; передние и задние его детали были выкроены из простеганного льна и укреплены китовым усом; они сдавливали мне ребра и приподнимали грудь так, что та лежала по-дурацки горизонтально, а позвоночник превратился в жесткий стержень. Команда костюмеров сделала для меня модель со шнуровкой спереди, чтобы я могла справляться с ним сама, пока не обзаведусь камеристкой. Сумка с деньгами крепилась на уровне ребер поверх сорочки. Я пристегнула сумку Лиама чуть ниже и вернула корсет на место. Я зашнуровала его посвободнее, но пояс нижней юбки мне такой вольности не простил и не сошелся поверх моей недостаточно утянутой фигуры. Я сделала глубокий вдох – последний на ближайšie несколько

часов – и перешнуровала корсет, на сей раз потуже.

Выйдя из гостиницы, мы застыли и заморгали от пыльного воздуха. Если к моменту нашего прибытия в Лондон не спала половина его жителей, то теперь бодрствовали все, производя несусветное количество шума.

Невдалеке в ожидании пассажиров выстроились в ряд несколько фиакров. Рядом, в грязных костюмах, скрестив руки на груди, стояли носильщики портшезов. Этот вид транспорта выглядел как маленькая одноместная кабинка на двух перекладинах, которую несли двое – один спереди, другой сзади.

– Пройдемся? – предложил Лиам.

Я позавидовала его до блеска выбритому румяному лицу. Я помыла руки и ополоснула лицо, но от меня по-прежнему несло салоном почтовой кареты.

– Заодно все рассмотрим.

Я согласилась, посмотрела не в ту сторону и ступила на дорогу. Лиам схватил меня за локоть, дернул обратно, и в ту же секунду передо мной промелькнуло нечто черное, нас окатило лошадиным духом – мимо пронеслась высокая коляска, в которой сидел статный мужчина в ослепительно-белых брюках и черных сапогах, таких же лоснящихся, как и его конь. Настоящий денди эпохи Регентства!

Тут до меня дошло, что я могла погибнуть. Я представила себе открытый перелом, ампутацию, кровь и опилки, вонь гангрены в полутемной комнате. Меня бы похоронили здесь,

в 1815 году, под крестом – заслуженная кара за то, что выдавала себя за нееврейку, – а позже Лиам навестил бы мою убитую горем мать и рассказал ей, как прошли мои последние часы на этом свете. Она знала, что я веду рискованный образ жизни, но смирилась с этим так и не смогла.

Умереть можно было где угодно и когда угодно – но почему именно этот вариант казался наихудшим? Я посмотрела на Лиаму – с его лица схлынули все краски. Он разжал хватку, но предложил мне локоть. Взглянув на темный рукав, я помедлила, затем шагнула ближе и сунула ладонь в перчатке ему под руку, чувствуя себя глупо, но зато в безопасности.

Благодаря зонам бедствия и экстренной медицине я хорошо знакома с хаосом, но ничего подобного в жизни не видела. Перекресток Чаринг-Кросс и Стрэнд был жутким местом, и мы замерли, разинув рты, – тут-то я и поняла, зачем люди нанимали портшезы.

В косом утреннем свете была видна пыль – взвесь частичек из угольной сажи и сухого лошадиного навоза, кирпичей и железа, краски, фарфора и кожи. Пыль смягчала резкие очертания каменных зданий, клубилась в воздухе и вихрем вздымалась от проезжающего транспорта: телег с сеном, почтовых карет, двуколок. Оборванцы играли со смертью и сновали между ними, а лоточники пробирались сквозь людскую массу боком и напевно рекламировали свой товар: цветы, пиво, улиток, молоко, ноты с популярными балладами. В воздухе пахло свежим хлебом и гниющей едой, горя-

щим углем и немытым телом. Стоял гомон: железные колеса гремели на брусчатке, лоточники покрикивали – вибрации живых существ, теснившихся в одном пространстве, наслаивались друг на друга. Колокольный бой из церкви неподалеку на девять счетов заглушил все прочие звуки.

Матрос с попугаем на плече, торопливо шагавший куда-то, не поднимая головы, врезался в нас и притормозил, чтобы извиниться, обнажив при этом два ряда плохих зубов, а попугай, пошатнувшись на своем насесте, расправил переливчатые зеленые крылья и яростно ими захлопал. Притиснутые друг к другу после столкновения с матросом, мы дождались момента, когда интенсивность движения на дороге ненадолго спала, и, взявшись за руки, бросились вперед. На противоположной стороне улицы я привалилась к холодной стене ближайшего здания. Я опустила голову – перед глазамиплыли черные точки, рев города пульсировал в ушах.

– Ты цела? – прокричал мне в ухо Лиам.

Я кивнула.

Мимо пронесли портшез, в котором сидела леди, следом бежал крошечный слуга-африканец – то ли ребенок, то ли пигмей, а за ним, завернувшись в одеяло и что-то вопя о Судном дне, топал чумазый голый мужчина. Попрошаек вокруг, включая одноногих армейских ветеранов в униформе, было несметное количество, а один мужчина без рук, у которого на шее висела корзинка для подаяния, протягивал свои куль-

ти с таким скорбным видом, что мы с Лиамом в ужасе переглянулись и я бросила монетку ему в корзинку. На перекрестках мальчишки, походившие скорее на старичков, пытаясь сметали с нашего пути лошадиный навоз, время от времени останавливались и протягивали ладошку.

Я не могла отделаться от ощущения, что вокруг одни ряженные, словно мы оказались на угнетающе реалистичной костюмной вечеринке «Хеллоуин в стиле эпохи Регентства». Вот доярка с полными ведрами на коромысле, вот лакей из богатого дома в голубой ливрее и белых чулках, вот пекарь, весь в мучной пыли, с корзиной свежего хлеба.

Лавка тканей в здании Графтон-хаус была оазисом покоя. Сквозь выходившие на улицу арочные окна и застекленный люк в крыше свет заливал помещение, полное рулонов ткани, красиво разложенных на деревянных прилавках. Встав в очередь, мы принялись наблюдать за тем, как покупательницы шупают материю и обмениваются сплетнями, как продавцы громко выкрикивают друг другу поручения и наклоняются к посетительницам. Две дамы, стоявшие перед нами, никак не могли прийти к согласию, и я, в восторге от возможности заглянуть одним глазком в чужую жизнь, придвинулась ближе и наострила уши в надежде выяснить, как правильно вести беседу в лавке.

– Я не уверена, что Клариссе это понравится, – говорила пожилая дама. – Она так изменилась с тех пор, как вышла замуж, – я теперь и не знаю, что ей ныне по вкусу.

– Вряд ли она будет против хорошего муслина, мама.

– Ты не боишься, что полоска покажется ей слишком фривольной?

– Это приличная полоска. Весьма скромная. Ее и разглядеть-то трудно, – возразила женщина помладше, а затем совсем другим тоном сказала продавцу, ожидавшему их решения: – Семь ярдов вот этой. – И продолжила: – Она сама скажет, если ей не понравится, и тогда я заберу ткань себе.

– Она не скажет. Она больше не откровенничает со мной так, как раньше, до свадьбы.

Дочь отреагировала на это печальным вздохом и завела разговор о лентах.

Возникший рядом продавец о чем-то расспрашивал Лиама.

– Нет, мы возьмем вон ту и много чего еще, – ответил Лиам тоном почти столь же надменным, как и тогда в «Лебеде», и продавец принялся раскатывать рулоны ткани на прилавке.

Покупать отрезы большого метража, предназначенные для домашнего пошива рубашек и постельного белья, чаще всего входило в обязанности хозяйки дома – даже в богатых семьях. Посоветовавшись с продавцом, Лиам выбрал самую дорогую ткань, за что получил от того комплимент своему прекрасному вкусу, а я, обескураженная тем, что моего мнения никто не спрашивает, молча наблюдала за этой сценой, дивясь его новой личине сведушего в тканях денди. После долгого обсуждения того, какие материалы лучше всего по-

дойдут для жилетов, сюртуков и брюк, на прилавке образовалась внушительного размера стопка отрезов, и мы перешли к моим нуждам. Я быстро отобрала восемь сортов муслина на платья, радуясь, что могу участвовать в деле, а не только смотреть.

Большую часть покупок мы попросили отправить на адрес нашей гостиницы, а несколько отрезов взяли с собой, чтобы сразу отнести их к портным. Клерк, подсчитав итоговую сумму на длинном листке бумаги, поднял голову.

– Как желаете расплатиться, сэр? Записать на ваш имеющийся счет или изволите открыть новый?

Я так увлеклась процессом, что растеряла весь страх, но в этот момент он внезапно вернулся. Поколебавшись, Лиам достал из внутреннего кармана несколько банкнот и протянул одну через прилавок. Это были десять фунтов, срисованные с тех, что выпускал Банк Шотландии. Сердце у меня колотилось как бешеное, пока клерк изучал банкноту: рассмотрел ее на просвет, затем, пошлюнив палец, потер чернила в углу купюры, пощупал ее... Затем кивнул Лиаму: «Сию секунду!» – и, нырнув в дверь, скрылся в подсобной комнате.

В команде проекта были уверены, что настолько искусные подделки распознать невозможно: суммы были относительно небольшие, купюры – из разных банков, кропотливо воссозданные по образцу уцелевших банкнот с особым вниманием к чернилам и бумаге. Но лишь сейчас я осознала, до ка-

кой степени наши жизни зависели от мастерства отдела бутафории. Я посмотрела на Лиаму – он не сводил взгляда с двери, за которой скрылся клерк. Лицо его не выражало ничего – с таким же видом он мог бы просто дожидаться сдачи.

Минуты тянулись, пот сбегал по ложбинке у меня между грудей и собирался на сумке с деньгами.

– Если он не вернется, я мотаю отсюда, – шепнула я.

И куда же мне бежать? Смогу я выбраться хотя бы из этой лавки? Посетителей заметно прибавилось, и нас прижало к прилавку. Я чуюла запах табака и немых волос.

– Даже не думай, – едва слышно выдохнул Лиам и добавил чуть громче: – Помни, когда он вернется, нужно расспросить его о портных.

Клерк наконец объявился – но не с намерением отдать нас под стражу, а с извинениями: для нас еле нашли сдачу. Он записал адреса портных на клочке бурой упаковочной бумаги. Один из них, специализировавшийся на сюртуках, был хорошо известен; его ателье располагалось на Сент-Джеймс-стрит, и покровительствовал ему сам Бо Браммел⁴, из темной лошадки превратившийся в арбитра мужской моды и, по сути, определивший образ мужчины эпохи Регент-

⁴ Джордж Брайан Браммел (1778–1840) – английский светский лев, один из первых представителей дендизма, фаворит принца Уэльского. За свой неизменно безупречный внешний вид получил от современников прозвище Бо – от французского beau, «красавчик». Ввел моду на элегантные мужские костюмы, крахмальные белоснежные галстуки. Именно с подачи Браммела джентльмены стали следить за личной гигиеной как никогда прежде.

ства. В списке клерка фигурировал еще один довольно знаменитый портной, чьей специальностью были брюки, а также несколько портних для меня.

– А как же сорочки? – спросила я. – Кто-нибудь из них умеет шить сорочки? Сама я быстро не управлюсь.

Клерк взглянул на меня, почесал голову и добавил в список еще имя.

К тому времени, когда мы возвратились в «Золотой крест», на улицах уже вовсю трудились фонарщики. Мы побывали у портного, который шил сорочки, у портного, который шил брюки, у портного, что занимался сюртуками, и у модистки. Мы купили чулки, шляпы, туфли, перчатки и два сундука, чтобы все это хранить, гусиные перья, чернила, бумагу, палочки из корня алтея для чистки зубов и первое издание «Мэнсфилд-парка», потратив несколько пятифунтовых ассигнаций Банка Ирландии.

Уже в спальне я обнаружила, что пропала вся мелочь из моего ридикюля – эдакой разновидности сумочки, – хотя я крепко затянула завязки и приглядывала за ним – ну или так мне казалось. Там было не больше фунта, но сам факт пропажи меня потряс. Я попыталась утешиться мыслями о том, что ограбившему меня воришке деньги были куда нужнее, но затем мне в голову пришло кое-что похуже: что, если обретение им денег изменит историю?

Инструкции от института предписывали нам ограничить контакты с миром и по возможности общаться только с целе-

выми объектами из-за риска значительно исказить поле вероятностей, повлияв при этом на макроисторические события непредсказуемым и вредоносным образом. Однако теория Макколи – Мадхавана гласила, что поле вполне способно выдержать некоторые искажения – в противном случае наша миссия была бы неосуществима. Из предыдущих тридцати шести миссий в прошлое двадцать семь вернулись более-менее невредимыми, шести потребовалась некоторая коррекция памяти, а три так и не возвратились обратно. До сего момента ни одна из них значительным образом историю не изменила. Но наша миссия была беспрецедентной в плане того, насколько тесно нам предстояло войти в общение с людьми, которые являлись целью нашего прибытия сюда.

Мне вспомнилось, как доктор Пинг, руководитель команды проекта, говорил: «Не поддавайтесь соблазну увлечься. Эта эпоха способна вскружить голову, несмотря на множество неприглядных аспектов». Но, даже устояв перед таким соблазном, мы все-таки могли... что? Лишиться денег из-за воришки? Оказать милость портному, шившему сорочки, у которого вид был такой, словно он на грани голодной смерти? Возможно, мы сегодня спасли ему жизнь, заказав для Лиама двадцать одну штуку.

В тусклом свете я осмотрела свое платье и решила его снять. Когда мы были в двух шагах от гостиницы, телега прокатилась по луже и на нас выплеснулась грязь, что попала мне на подол платья и нижнюю юбку, а Лиаму – на сапоги.

Все, что я могла сделать, – это прополоскать тот участок в воде для умывания и надеяться на лучшее.

Нам как постояльцам выделили гостиную, смежную с нашими спальнями. Я выглянула в коридор – там было пусто – и выскочила в сорочке и корсете; взявшись за ручку двери, я вспомнила о шали, которую могла бы накинуть, но решила за ней не возвращаться. Еще утром меня смущала перспектива предстать перед коллегой в одном белье – сейчас же я была слишком измотана, чтобы переживать об этом; не я ли упражнялась в спортзале института, имея на себе куда меньшее количество одежды? И до меня дошло, на чем основывалась моя предыдущая тревога: я примерила на себя нравы 1815 года, позволила себе увлечься нашей легендой – или образом, который мне достался. Надо быть осторожнее с такими вещами.

– Ну и денек, а?

Я окинула взглядом накрытый стол возле очага, где на угольках плясал огонь: солидный кусок мясного пирога, шмат вареного мяса, вареная капуста с вареной картошкой и нечто вареное под названием «пудинг», обернутое беконом. И, к счастью, вино.

Лиам стоял у окна и смотрел на улицу; вид из нашей гостиной открывался на слабо подсвеченную улочку. Сапог на нем не было – видимо, он отдал их чистильщику, как и пальто. Он избавился от шейного платка и парика и, похоже, только что окунул голову в таз с водой для умы-

вания.

– Держи, – сказала я и протянула ему его поясную сумку с деньгами.

Принимая ее, он окинул взглядом мой наряд – дважды, – а затем, покраснев, молча отвел глаза, сел за стол и уронил голову на ладони.

– Как ты? – преисполнившись сочувствия, спросила я.

Нам предстояло работать в тесной связке еще долго; мне следовало блюсти границы, вести себя тактично по отношению к чужим табу. Исконные британцы были ханжами – еще одна их черта, пришедшая из старых добрых викторианских времен.

Он поднял голову и налил нам вина.

– Денек был тот еще, но... может быть, мы к такому еще привыкнем. Хочешь чего-нибудь из этого? Не знаю, что это за животное, но проварили его на совесть.

В нашем мире все вынужденно были веганами, еду производили технологии, а не природа. Синтезировать некое подобие мяса было вполне реально, но популярностью такая еда не пользовалась – она принадлежала миру до Вымирания, эре хаоса и эгоистичных проступков, о которых никому не хотелось вспоминать. Однако во время подготовки к миссии мы ели такое мясо, чтобы привыкнуть к подобной пище.

Я попробовала кусочек того вареного блюда под названием «пудинг» – оно было мягким, но вязким, и я все жевала и жевала его, пока наконец не заставила себя проглотить;

на вкус оно не имело ничего общего с имитированным мясом, которое нам давали на подготовке. Нож был тяжелым и холодным, оловянная вилка – тупой и всего с двумя зубцами, но я решительно набросилась на еду – и на вино.

Мы ели молча, и я перебирала в голове события дня, которые на фоне теплого очага тишины и воздействия алкоголя перестали казаться чем-то невероятным.

– Это было умно – расплатиться банкнотой. Эдакая проверка. Если бы кто-то усомнился в ее подлинности, мы бы притворились, что сами стали жертвами мошенничества. Что в банке, с парой тысяч на руках, проверить было бы куда сложнее. – Я потыкала вилкой вареное нечто: откуда такая упругость? – И ты держался с таким спокойствием.

Лиам покачал головой.

– Ты вообще нервничал?

– А ты что – нет?

– Ты этого никак не выказал.

– Если бы все выказывали свои чувства, – сказал он и сделал паузу, стараясь прожевать кусок мяса, затем, сдавшись, сплюнул хрящ и отложил его на край тарелки, – это был бы не мир Джейн Остен, правда?

– Правда. – Я подняла свой крошечный бокал с вином в знак согласия с этим замечанием, опустошила его и подлила нам еще. – Но ты ведь был актером, так? Наверняка тебе это помогает. Ты ничего об этом не рассказывал. – Он вообще почти ничего о себе не рассказывал; мне следовало узнать

его получше до того, как мы окажемся в постоянном окружении слуг и перестанем выходить из образов. – Какая у тебя любимая пьеса Шекспира? Какое у тебя было амплуа?

Лиам насторожился.

– Самое обыкновенное – того, кто прозябает без работы.

– Но ты учился в театральной студии?

– Учился.

– В Лондоне?

– В Лондоне.

Оказавшись в тупике, я ненадолго замолчала.

– И тебе там нравилось?

– В целом да. – Он снова покраснел и вдруг выдал: – Полагаю, там всяко веселее, чем на медицинском факультете.

– Я обожала учебу на медицинском.

– Что ж, повезло тебе.

– Но мне бы и в театральной студии понравилось. Меня завораживает актерство. Я в упор не вижу особенной дихотомии между наукой и искусством, в существовании которой все так уверены. Разве нельзя любить и то и другое?

– Можно. – Он откинулся на спинку кресла и, покручивая свой пустой бокал, склонил ко мне продолговатую голову. – Значит, так ты здесь оказалась? Из любви к литературе?

– Если вкратце – да. Из любви к Джейн Остен.

– Она – чудо. – Мы задумались, и Лиам чуть тише добавил: – Подумать только – она жива. Прямо сейчас! И мы, возможно, познакомимся с ней – если будет на то воля Бо-

жья и мы сами все не испортим...

– Не испортим.

– Ты в себе, похоже, уверена донельзя.

– Я столько времени на эту миссию убила не для того, чтобы ее завалить.

Лиам никак это не прокомментировал. Я положила нам по куску мясного пирога, надеясь, что этот будет лучше, чем в «Лебеде». Хотя могло ли быть хуже?

– А если не вкратце?

– Что?

– Ты сказала... – Он потупил взгляд в стол. – Ну так...

– Я попала сюда благодаря знакомому – в смысле, я, возможно, не самый очевидный кандидат, поскольку я американка и все такое, – но я была лучшим вариантом, и в конце концов организаторам хватило ума это понять. Единственная в своем роде фанатка Джейн Остен с опытом врачебной деятельности в полевых условиях, которой наглости не занимать, – как-то так. – Я помолчала. – А ты?

– Наглостью не отличаюсь, увы.

– Как ты?..

– Мне повезло.

Меня бесит притворная скромность. Лиам написал биографию лакея Бо Браммела, чем доказал, что обладает изящным слогом и остроумен – как минимум на бумаге.

– Моим профессором был Герберт Брайанд, – добавил Лиам. – Вернее, моим наставником. – Вид у меня, похоже,

был недоуменный. – Это он нашел письмо.

– Ах, вот что.

Все уцелевшие письма Джейн Остен, казалось, уже были найдены – сборник с комментариями к ним выдержал одиннадцатое издание, – но тут в давно вышедшем из обращения экземпляре «Айвенго», который хранился в библиотечном архиве в Кройдоне, обнаружилось еще одно письмо. Написанное Джейн Остен в 1815 году, оно было адресовано ее подруге Энн Шарп и стало настоящей сенсацией. Выяснилось, что ее роман, предположительно начатый и заброшенный в 1804 году, спустя десятки лет опубликованный в неполном виде под названием «Уотсоны», все же был закончен. В письме Джейн Остен объясняет, почему не желает, чтобы он увидел свет, и сообщает о желании его уничтожить. Он слишком личный, пишет она, слишком мрачный.

– Это Брайанд надоумил тебя подать заявку?

– Он этому поспособствовал.

– Я уверена, что твои личные качества тоже сыграли роль.

Но с его стороны это щедро. Подумать так, он и сам наверняка хотел бы сюда попасть.

– Он уже старик, здоровье не то.

– Все равно с его стороны было мило тебя поддержать.

Это мощно продвинет твою карьеру, так ведь?

Путешествия в прошлое не афишировались. Если мы преуспеем и вернемся с «Уотсонами», институт состряпает какую-нибудь историю о научном открытии. Событие будет

неслыханных масштабов, поскольку исконные британцы боготворили Джейн Остен и считали ее недолгую жизнь и скудость литературного наследия трагедией, сравнимой с уничтожением Александрийской библиотеки.

– Это будет мой прорыв, – произнес Лиам до того серьезным тоном, что я еле подавила смешок. – После такого новая жизнь начнется, знаешь ли.

– Кажется, она уже началась. – Я обвела комнату рукой. – Это же безумие – вот он, тысяча восемьсот пятнадцатый. Если это не новая жизнь, то что?

Мои прежние тревоги как ветром сдуло; мне не терпелось взяться за дело. Познакомиться с ней, *узнать* ее. Проект «Джейн Остен» будет изумительным. И зябким – я пожеглась, несмотря на пылавший рядом огонь.

– Ты права. Я оговорился.

– Но ты ведь что-то подразумевал под этим. Возможно, ты станешь тем, кто подготовит рукопись к публикации? – Я снова наполнила наши бокалы. – Только представь. Прочитать текст, написанный ее рукой! Увидеть, что она вымарала и чем заменила!

– Было бы здорово. – Его слова прозвучали так, словно ему самому это ни разу не приходило на ум.

Однако я знала, что после театральной студии он успел поучиться в Оксфорде; его книга попала в длинный список какой-то литературной премии; его наставник поддержал его кандидатуру для проекта. Достижения Лиамы на этом не за-

канчивались, но остальные стерлись у меня из памяти. Я сложила руки на груди, чтобы не растерять тепло.

– Так вот что тобой движет? – Я поняла, что выпила больше, чем следовало. Но передо мной лежала загадка, и лучшего момента, чтобы разгадать ее, было не найти. – Банальные амбиции? Признание в академических кругах?

Лиам посмотрел на меня.

– Хочешь мой сюртук? Ты ведь мерзнешь?

Я согласилась, поскольку действительно мерзла, и, надев эту огромную штуковину, закатала рукава, чтобы отыскать собственные ладони. Повисла пауза – я надеялась, что Лиам оставит без комментариев мою низкорослость, и он не подвел.

– Я пыталась платье застирать. Оно в грязи, – объяснила я.

– Моя догадка оказалась верна.

– Я вовсе не планирую разгуливать в 1815 году в полураздетом виде.

Я надеялась, что Лиам усмехнется, но он лишь кивнул. Я подняла бокал.

– За миссию.

– За Джейн Остен.

– За «Уотсонов».

Наши бокалы звякнули. Порыв ветра влетел в открытое окно и пронесся по комнате, отчего пламя заплясало, шторы взметнулись, а я снова поежилась. У меня возникло чувство, будто я здесь и в то же время не здесь, будто наблюдаю

за этой сценой издалека, будто время запнулось, на мгновение замерло и пошло дальше – как если бы произошел секундный сбой сердечного ритма. Иногда у меня перед глазами встает тот миг: мы, такие невинные и наивные, и все у нас впереди.

Глава 2

23 сентября 1815 года

Дом 33 по Хилл-стрит, Лондон

Удивительно скоро своеобразие 1815 года стало восприниматься как нечто обыкновенное. Благодаря газетам, коммиссионеру и наличности под рукой мы нашли подходящий дом – полностью меблированный, с уборной не на улице, в фешенебельном районе Вест-Энд – и заключили договор аренды на шесть месяцев. Мы наняли трех слуг, заказали еще одежды и приступили к устрашающему процессу внесения на счета наших фальшивых денег. Но дел впереди еще было немало, а время шло.

У нас сложился режим дня, наметились привычки. Каждый день я спускалась к нашей кухарке-экономке миссис Смит, чтобы обсудить меню, составить список покупок и свериться со счетами. Эта дородная женщина с карими глазами и лицом в оспинах терпеливо объясняла мне даже то, что самой ей, вероятно, казалось совершенно очевидным.

Впрочем, как-то утром, стоило мне только присесть в ее темной комнатухе рядом с кухней, она задала мне новую задачку.

– Мисс, Грейс говорит, что камин в гостиной дымит.

– Да? Ну, ей, наверное, виднее. – Грейс была нашей горничной.

– А вы сами не заметили?

Не заметила. Дым от горящего угля был одним из запахов, свойственных этому дому, – наряду с пчелиным воском, из которого состояли свечи, скипидаром и уксусом, что использовались в качестве чистящих средств, и лавандой, которой ароматизировали мое постельное белье.

– Ваш комиссионер упоминал, когда здесь дымоходы в последний раз чистили? Мне кажется, что и в кухонном очаге тяги не хватает.

– А их чистить нужно? – Мне вспомнились «Приключения Оливера Твиста» и сцена, в которой маленький Оливер едва не становится трубочистом.

Миссис Смит медленно моргнула – так выразалось ее изумление в те моменты, когда я демонстрировала глубину своего невежества. В институте придумали объяснение тому, почему у нас не было ни тетушек-бабушек, ни приятелей, ни знакомых – и это в Англии, где, похоже, все мелкопоместное дворянство знало друг друга или хотя бы состояло в дальнем родстве: мы представлялись осиротевшими братом и сестрой, детьми плантатора с Ямайки. Такая биография была далека от безупречной, но она могла многое объяснить – например, отсутствие знаний о дымоходах.

– Если прикажете, мисс, я пошлю мистера Дженкса за трубочистом. – Лицо у меня, видимо, сделалось сконфуженным, поскольку она добавила: – В такой час они ходят по улицам, кличут тех, кто даст им работу.

– Только велите ему привести того, кто пользуется щетками, а не того, кто засылает в дымоход мальчишку.

Она захлопала глазами.

– Щетками?

– У некоторых есть такие специальные щетки с длинными ручками, которые достают до самого верха трубы.

– Я о таких не слыхала.

– Однако они существуют. – В этом я не сомневалась. – Не забудьте сказать об этом Дженксу.

Сама я с Дженксом, нашим слугой, старалась общаться как можно реже: любое мое столкновение с ним было неприятным. «Он меня недолюбливает, – жаловалась я Лиаму. – О чем бы я его ни попросила, в ответ он презрительно ухмыляется и находит повод этого не делать». Лиам воспринял это со скепсисом – с ним-то Дженкс всегда был услужлив и почтителен.

Позже, в Грин-парке, я размышляла о Дженксе и о нелепой надобности вообще держать слуг. Прогулки по утрам стали еще одной нашей новой привычкой – они давали нам возможность обсудить дела, не опасаясь быть подслушанными. Впрочем, в тот день мы почти не разговаривали, просто шли в гулкой тишине по аллее, вдоль которой росли платаны. Было солнечно, но холодно, свет падал под углом, какой бывает только осенью. Порыв ветра подхватил опавшие листья и закружил их вихрем прямо перед нами.

– Пора мне написать Генри Остену, – ни с того ни с сего

вдруг сказал Лиам. – Как думаешь?

Я удивленно посмотрела на него.

– Э-э, да.

Я подстрекала его к этому почти с тех самых пор, как мы прибыли в 1815 год, и с удвоенным усердием – с тех пор, как мы сняли дом на Хилл-стрит и обзавелись приличным адресом для строчки «Отправитель». Лиам все отмахивался от меня, утверждая, что нам следует получше разведать обстановку. Одержимые желанием узнать, как держатся и ведут себя дворяне, какие слова они выбирают и как их произносят, мы совершали долгие прогулки по паркам и улицам с модными магазинами, ходили на художественные выставки и в театры.

С одной стороны, я была с ним согласна. У нас был всего один шанс произвести хорошее впечатление на Генри Остена; если эта попытка закончится провалом, мы упустим лучшую возможность познакомиться с его сестрой. С другой стороны, меня это страшно бесило: времени было в обрез, но выполнить эту задачу мог только чертов Лиам – просто потому, что был мужчиной. Я не могла написать Генри Остену.

– Что ж, хорошо. – Лиам кивнул мне, и только тогда до меня дошло, что этот этап, должно быть, вызывает у него огромное волнение или даже страх.

Но страшиться времени у нас не оставалось. В середине октября Джейн Остен придет к Генри в Лондон, и начнут

разворачиваться события, в которых нам предстояло оказаться замешанными; было чувство, словно мы пытались поймать волну и уже изрядно отстали.

– Все будет окей. Ты справишься, – сказала я ему, хотя уверенности в этом у меня не было.

Едва войдя в дом, мы услышали вопль и грохот. Переглянувшись, мы направились к источнику звука, который находился в гостиной на втором этаже: в очаге виднелось черное тряпье и чья-то босая нога. Под тряпьем я обнаружила мальчишку, чумазого и неподвижного, и присела, дабы рассмотреть его поближе. Его дыхание было частым и поверхностным; от него воняло гарью. Я потрепала его за плечо.

– Ты меня слышишь?

Его глаза распахнулись и посмотрели на меня. Радужки были карие, а белки сильно контрастировали с черной от сажи мордашкой.

– Ты меня слышишь? – повторила я. Он кивнул и зашевелился, но я не дала ему сдвинуться с места. – Это чувствуешь? – Я стиснула сначала одну его ступню, затем другую. – А это?

– Да, мэм, – произнес он сдавленным голосом и зашелся влажным кашлем.

– Можешь пальцами на ногах пошевелить? А на руках?

Он пошевелил. Я ощупала его позвоночник сквозь обноски, но признаков повреждения не обнаружила.

Я отстранилась и села на пятки, окинула его взглядом,

а затем дернула шнур колокольчика, висевшего у камина. Но Дженкс уже стоял в дверях – с ошарашенным видом.

– Можно нам чаю?

Он усмехнулся.

– Откуда взяться кипятку, если трубочист здесь и огня в очагах нет?

– Я начинаю понимать, что ты имела в виду, – процедил Лиам, незаметно подошедший ко мне сзади, а затем громко добавил: – Дженкс! Тогда пусть будет портер. Принеси нам полпинты. Если у нас его нет, то сходи и купи.

– Да, сэр, – бросил тот и исчез.

Мальчишка тем временем успел сесть и теперь растирал глаза своими грязными ручонками.

– Прекрати, – сказала я, но прозвучало это куда жестче, чем мне хотелось. Он застыл, и я протянула ему свой носовой платок. – Держи, утрись этим. Иначе сажа в глаза попадет, и станет только хуже.

А он все глазел на платок. Я сменила тон на более ласковый:

– Не бойся его испачкать, у меня достаточно платков. Голова болит?

– Не-а.

– Как тебя зовут?

– Том, – скорее выдохнул, чем сказал он.

Я поднялась на ноги.

– Меня зовут мисс Рейвенсвуд. Сходишь со мной на кух-

ню, Том? Возможно, мы сумеем тебя отмыть.

Я протянула ему руку, и он схватился за нее своей ладошкой, чем очень меня удивил. Когда он встал, весь в черной саже, оказалось, что он едва достает мне до талии, и у меня сжалось сердце.

В непривычно холодной кухне нашлись миссис Смит – она наводила порядок в пряностях – и Грейс, полировавшая столовое серебро.

– Я велела найти трубочиста, который не отправляет в дымоходы мальчишек.

Обе женщины шокированно уставились на нас с Томом.

– Я передала ваше пожелание, мисс.

– Можешь разжечь камин. Сегодня мы трубы больше чистить не будем. – Ладошка Тома в моей руке дрогнула. – Грейс, мне нужна горячая вода для ванны.

Она не сводила глаз с Тома.

– Ванну принести к вам в комнату?

Купание было действием, в котором фигурировали теоретически переносная медная ванна и множество ведер горячей воды.

– Нет, оставь ее в прачечной. Это для Тома. Думаю, он почувствует себя лучше, когда выкупается и что-нибудь съест.

Мы обернулись на шорох – в дверях стоял мужчина, судя по всему, старший трубочист. Ему могло быть от двадцати до шестидесяти лет; низкорослый и сухощавый, он был одет в костюм из бумазеи, сшитый явно на кого-то покреп-

че, и чистым выглядел только в сравнении со своим помощником.

– Эт еще чего? – прорычал он, уперев взгляд в Тома. Протиснувшись мимо Лиама, он шагнул в кухню и бросился к мальчишке, который с писком спрятался за мной. – Что тут творится? – Он приближался, и я выставила руку, чтобы его остановить.

– Дело вот в чем, – заговорила я. Все глаза обратились на меня, и я слегка растерялась. Рядом с Лиамом в дверях возник Дженкс с пивной кружкой – вид у него был хмурый. – Ваш мальчик упал и ушибся, мистер... как вас зовут?

– Браун, – буркнул он.

– Ваш мальчик упал и ушибся, Браун, и ему нужно время, чтобы прийти в себя. Поскольку случилось это в нашем доме, думаю... мы оставим его здесь и дадим ему отдохнуть. Мы заплатим вам оговоренную сумму, но сегодня ваши услуги нам больше не понадобятся. – Ни сегодня, ни когда-либо еще, мысленно добавила я.

Все молчали, и я решила было, что возражений не последует.

– Спасибо, Дженкс. Можешь заплатить ему и проводить к выходу? – Я протянула руку к кружке с портером.

Дженкс проигнорировал мой жест и посмотрел на Лиама.

– Сэр? – вопросительно начал он. – Вы же понимаете, что работа не сделана.

– Заплати ему и выпроводи отсюда, – сказал Лиам скупа-

ющим тоном, каким обычно общался со слугами, и забрал у Дженкса кружку с портером.

Браун юркнул мне за спину и схватил Тома за локоть. Тот заскулил, а когда Браун выкрутил ему руку и неразборчиво, но грозно что-то прошипел, и вовсе заплакал.

– Отпустите его! – сказала я.

– Без мальчишки нипочем не уйду. – Он тряхнул Тома. – Хорош тебе, гляди веселей.

Том повесил нос. Из-за сажи разобрать, что выражало его личико, было невозможно, но поникший вид говорил о том, что он абсолютно несчастен, – рука, которую схватил Браун, была вывернута под неестественным углом, а сам он сжался в комок, будто хотел уменьшиться до предела либо вообще исчезнуть.

– У вас нет выбора, – резко ответила я. – Подите прочь. Дженкс...

– Я пять фунтов отвалил за него в работном доме, с тех пор и года еще не прошло. Оставить его тут? Вы умом тронулись?

Когда он потянул Тома к выходу из комнаты, я преградила им путь. Браун остановился. На лице у него заходили желваки, он засопел, но отпихнуть меня не решился.

– Я дам вам за него пять фунтов, – сказала я.

В комнате повисла тишина: Грейс застыла у входа в прачечную, Дженкс и Лиам – в дверном проеме, что вел в коридор. В ступор не впала только миссис Смит, которая разжи-

гала кухонную плиту, однако я чувствовала ее напряженное внимание.

– Пять фунтов и ту сумму, которую мы заплатили бы вам за чистку дымоходов. Такое не каждый день предлагают.

Браун долго сверлил меня взглядом, и я успела засомневаться в том, что затеяла.

– Десять. Я кучу времени потратил, чтобы его обучить. Кормил его со своего стола, крышу давал.

– Шесть. – Я скрестила руки на груди и уперлась в него взглядом. – Шесть – или сделка отменяется.

– Семь.

– Договорились.

Он присвистнул.

– Надо же! У богатых свои причуды. – Он отпустил мальчишку и легонько его толкнул. – Том, дружище, ты знаешь, где меня искать, когда тебя вышвырнут в канаву. Если повезет – найму обратно.

Когда Тома отмыли, выяснилось, что у него темно-русые волосы, которые торчат во все стороны, как иглы дикобраза, милое тревожное лицо, шрамы на локтях и коленях и синяки по всему телу. Он робко убеждал меня, что ему десять лет, хотя с виду я дала бы ему шесть. Мы одели его в одну из рубашек Лиама, закутали в одеяло и усадили в углу кухни возле плиты, где миссис Смит дала ему портера, а также хлеба, молока и ветчины. Когда я собралась наверх, она догнала меня в коридоре.

– Можно вас на пару слов, мисс?

Мы зашли в комнатуху, где обычно совещались по утрам.

– Что вы собираетесь делать с парнишкой? – спросила она, закрыв за собой дверь.

– А что вы посоветуете?

Она не ответила.

– Думаете, я поступила неправильно?

– Понимаете, это дитя из приюта. Вот что тот Браун имел в виду, когда сказал, что купил его в работном доме. Мальчик скорее всего сирота, плод какого-то постыдного союза.

– Что, вообще-то, не его вина.

– Никто так и не считает, мисс.

Мы помолчали.

– Дадим ему отдохнуть, а потом? Может, оставим его у нас, нам ведь не помешают лишние руки, не правда ли?

– Еще какая правда. Но он-то едва из пеленок вылез.

– Вырастет. Особенно если его хорошо кормить.

– Мальчишкам это свойственно. – Неожиданно она улыбнулась.

Лиама я нашла наверху, в библиотеке, – он стоял у окна, сложив руки на груди, и, видимо, дожидался меня.

– Ты с ума сошла? – свирепым шепотом осведомился он. – Совсем обезумела?

Лишившись на мгновение дара речи, я закрыла за собой дверь, подошла к большому письменному столу из темного

дерева и присела на него. Я все еще пыталась свыкнуться с тем, что наделала, и выволочка этому не способствовала.

– Ты что – историю изменить хочешь?

– Дело не в этом.

Он упер в меня взгляд голубых глаз – те сверкали от гнева, – шумно дышал, лицо его побагровело.

– И тот тип... Браун... Он возьмет наши деньги, пойдет в работный дом и купит себе другого ребенка! Ты думаешь, что сможешь спасти всех маленьких трубочистов в Лондоне?

– Это, по-твоему, весомый аргумент в споре о том, не стоит ли спасти хотя бы *одного*?

Он не ответил, только продолжал сверлить меня взглядом, но злость его, похоже, рассеялась. Вид у него был подавленный.

– И что мне было делать – отослать его прочь с тем ужасным человеком?

Лиам резко отвернулся, сел за стол, потер глаза и спрятал лицо в ладонях, поэтому следующие его слова прозвучали глухо:

– Что тебе стоило делать – так это не вмешиваться. Как известно нам обоим.

Главной опасностью путешествий по времени, помимо очевидных рисков, грозивших непосредственно путешественникам, был риск настолько изменить прошлое, что значительно изменилось бы и будущее, из которого вы прибыли, отчего запустилась бы некая версия «парадокса уби-

того дедушки»⁵. В институте мнения на этот счет разделились: в результате предыдущих миссий наблюдались некоторые изменения, но те были скорее рябью на воде, чем цунами. Однажды ночью исчезла статуя поэта Рандольфа Генри Падуба⁶, много лет простоявшая в центре кольцевой дорожной развязки в Хампстеде, а вместе с ней и все свидетельства ее существования. Как-то зимним утром в западном Лондоне появилась короткая улица, состоявшая ныне из ветхих и пустовавших, но вполне целых георгианских домов рядовой застройки, которые в девятнадцатом веке сровняли с землей ради возведения универмага; тот был уничтожен во время «Блица»⁷, а на его месте построили миниатюрный парк. Недоумевающей публике ее возникновение подали как некий концептуальный арт-проект. Впрочем, институту было известно не все: как эти изменения затрагивали не строения из камня и цемента, а неизвестные факты из частных людских жизней? Этот вопрос иногда занимал меня по ночам, когда мне долго не спалось.

⁵ Логический парадокс, относящийся к путешествиям во времени. Его суть заключается в том, что при определенном стечении обстоятельств любая возможность подразумевает отрицание самой себя. Впервые описан в романе Рене Баржавеля «Неосторожный путешественник» (1943), герой которого отправляется в прошлое и убивает своего дедушку до рождения собственного отца, но сам при этом остается жив.

⁶ Вымышленный персонаж романа дамы Антонии Сьюзен Байетт «Обладать» (1990), по сюжету – поэт Викторианской эпохи.

⁷ Бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии, длившаяся с 7 сентября 1940 по 10 мая 1941 года.

– Год дышать креозотом, недоедать всю жизнь... – Том вряд ли доживет до старости, заведет потомство, оставит в этом мире хоть какой-то след, не говоря уже о том, чтобы исказить поле вероятностей и изменить историю, – вот что я имела в виду. Но оказалось, что спокойно произнести это я не могу: от несправедливости я просто вскипела. – И что же я изменила? Его жалкая короткая жизнь прямо-таки обязана быть наполнена страданием?

Лиам отнял руки от лица.

– Рейчел, – пробормотал он. Я ждала продолжения, но сказать ему, видимо, было нечего; он просто разглядывал мое лицо, будто искал в нем что-то.

– Ну чего? Ты же мог меня остановить. Ты ведь мужчина в доме; ты распоряжаешься деньгами, ты мог бы отменить мое распоряжение. Дженкс пришел бы в восторг. Так почему ты не помешал мне? Это и твоя вина.

Он молчал.

– Не притворяйся, что ты ни при чем.

– Рейчел, – повторил он, и на сей раз это прозвучало так, будто мое собственное имя было ласковым прозвищем, – у меня побежали мурашки.

Я вспомнила, что он актер, и на секунду вообразила, что сейчас последует монолог. Но наступила долгая тишина, на протяжении которой мы не смотрели друг на друга. Что-то только что произошло, но я не поняла, что именно.

– Пожалуй, нам пора написать Генри Остену, – сказал он.

– Да.

Он отпер ящик письменного стола и вынул оттуда лист бумаги, открыл другой ящик и достал перо, ножик, пузырек с чернилами и коробочку с угольным порошком, похожим по консистенции на песок и использовавшимся в качестве промокашки. Все это он разложил перед собой, взял ножик и принялся очинять перо.

– Когда мы тренировались их затачивать, я прямо-таки Шекспиром себя чувствовала, – сказала я, радуясь смене темы.

– Того и гляди сонет напишешь... Ох, я его испортил.

– Тише-тише, давай я попробую. Дай ножик.

Я подошла с пером к окну, где было светлее, сделала новый продольный надрез и вернула его Лиаму. Он открыл пузырек с чернилами, обмакнул в него перо и принялся писать. Я нагнулась и прочла вверх ногами:

Дом 33 по Хилл-стрит, 23 сентября

Уважаемый сэр,

Лиам замер; большая капля чернил шлепнулась на бумагу, и он с досадой застонал.

– Во время подготовки у меня такого не случилось.

Он подул на бумагу и, скрипнув пером, продолжил:

Я осмелился написать вам, не имея чести быть с вами знакомым, посему прикладываю рекомендательное письмо, а также письмо о том, коим образом семья моя связана

с Хэмпсонами на острове Ямайка, откуда я родом, ибо прибыл я в Лондон, не имея здесь положительно ни одного знакомого.

Он остановился и перечитал написанное.

– После смерти моего отца...

Лиам насупился.

– Я помню. – И принялся писать дальше:

После смерти моего отца, который унаследовал обширную кофейную плантацию, отдал всю свою жизнь и все свое состояние и пожертвовал добрым именем ради человеческого обращения с рабами и постепенного их освобождения, равно как и сеяния слова Божьего среди невежественных жителей того острова...

– Неужели он в такое поверит? – Меня охватили сомнения. – Это же абсурд. Кто добровольно освобождает рабов?

Лиам все писал и ответил не сразу.

– В огромную ложь поверить не сложнее, чем в незначительную. Все решает убедительность повествования.

– Я все равно не понимаю, почему нас сделали рабовладельцами. Это же люди, у которых руки по локоть в крови. Даже те, у кого больше нет рабов.

– Покуда у тебя есть деньги, всем плевать на твои руки.

*Если у вас не будет возражений против моего визита*⁸...

– Меня всегда бесило это предложение. Мы будто хотим напомнить ему о мистере Коллинзе. – Это была прямая цита-

⁸ Пер. И. Маршака.

та из письма, которое знаменует появление чванливого священника на страницах «Гордости и предубеждения».

– Возможно, его позабавит мое абсурдное письмо. – Лиам перечитывал написанное.

– Но серьезно. Ты уверен, что нам стоит так писать?

Лиам оторвался от письма и посмотрел на меня.

– Предлагаешь отойти от сценария и отправить ему письмо собственного сочинения? – Прозвучало это не злобно, но все же резковато.

У меня словно пол под ногами дрогнул – я осознала, что наше разногласие насчет спасения Тома никуда не делось, просто изменило форму.

– Нет. Я такого не предлагала. Продолжай.

Надеюсь посетить Вас 28 сентября в 4 часа пополудни.

С почтением, дорогой сэръ, и проч.,

доктор Уильям Рейвенсвуд

Он переписал письмо дважды и лишь тогда остался доволен результатом. Тем временем я, вооружившись чернилами другого цвета и бумагой редкого сорта, занялась рекомендательным письмом. Его, как и то, что было адресовано Генри Остену, сочинили участники команды проекта, а мы заучили наизусть. Написано оно было якобы сэром Томасом-Филипом Хэмпсоном, владельцем огромного имения на Ямайке и дальним родственником Остенов.

Это был дерзкий, гениальный ход. Пятый и шестой баронеты Хэмпсоны провели большую часть жизни на Ямай-

ке. Седьмой же, нынешний, баронет родился в 1763 году, но учиться был отправлен в Англию, где позже и обосновался. Времена менялись: к началу девятнадцатого века большинство хозяев имений в Вест-Индии в своих поместьях не жили. Погоды там были суровыми, тропические болезни – смертельными, а с жестокостью, которая требовалась для управления плантациями, учтивые люди лицом к лицу сталкиваться не желали. Но более ответственные – или скаредные – преодолевали опасный путь, чтобы лично проверить состояние дел, подобно сэру Томасу Бертраму из «Мэнсфилд-парка».

В процессе исследования обнаружилось, что несколько лет назад седьмой баронет побывал на Ямайке, где вполне мог с нами повстречаться. Более того, он находился на острове и сейчас и должен был пробыть там еще несколько месяцев. Если все пойдет по плану, письмо от сэра Томаса-Филипа Хэмпсона, человека реального, уважаемого и знакомого с Остенами, должно стать нашим входным билетом в местное общество.

Переписать письмо набело мне пришлось только один раз, и я залюбовалась своим почерком – стремительным, размашистым и уверенным. Еще одной непростой задачкой было правильно свернуть и запечатать послание, затем вложить его в письмо Лиама. Когда мы закончили, письменный стол скорее походил на поле битвы: он был весь закапан воском, засыпан угольным порошком, завален обломками неудачных

сургучных печатей и смятыми черновиками – уликами, которым предстояло сгореть в камине.

Через два дня пришел ответ. Он дожидался нас подле кофейника, когда мы спустились к завтраку: сложенный ту-гим конвертом лист хлопковой бумаги, на который мы устались не мигая. Как же странно то, чем я сейчас занимаюсь, подумала я, – подобного ощущения я не испытывала даже в тот миг, когда очнулась в Летерхеде. Мы вмешались в ход истории. Мы отправили Генри Остену письмо, которого прежде не существовало; он прочел его, а затем сел и написал ответ – в то время, когда должен был заниматься чем-то другим. Например, любоваться солнечным днем за окном? Мурлыкать песенку, разглядывая собственное отражение в зеркале? У меня было подозрение, что он окажется самодовольным франтом; это сочеталось бы с другими известными нам его чертами: обаянием, неумением хранить секреты, нежеланием выбрать один карьерный путь и придерживаться его.

Я взяла письмо, разломила восковую печать и развернула аккуратно сложенный втрое лист. Почерк был безупречный: никаких клякс, ровные строки, слова одинакового размера. Мы провели много времени за изучением технических аспектов написания писем – именно по ним судили о принадлежности автора к определенному классу. И хотя то письмо, что отправилось к Остену, вышло неплохим, с ответом его было не сравнить.

Дом 23 на Ханс-плейс, 25 сентября

Уважаемый сэр,

С радостью получив ваше письмо от двадцать третьего числа, я с нетерпением жду нашего знакомства. Почтите ли вы меня визитом в мой клуб в среду, двадцать седьмого, в шесть часов пополудни?

– То есть дома он тебя принимать не захотел.

– Наверняка существует масса людей, которых он не захотел бы принимать у себя дома.

– Он должен удостовериться в твоей благонадежности.

– Как уроженца колонии, рабовладельца, приятеля какого-то дальнего родственника? – Лиам взгляделся в письмо. – Надеюсь, в его клубе не состоят врачи, которых мне следовало бы знать со времен учебы в Эдинбурге.

– Выкрутишься как-нибудь, – произнесла я с уверенностью, которой не ощущала. – Вдруг годы, проведенные в тропиках, сказались на твоём цвете лица и повлияли на твою внешность? – Я взглянула на него: ровная бледная кожа с розоватым подтоном. – Ну или что-то вроде того.

В день икс Лиам перемерил абсолютно всю одежду, приобретенную им с тех пор, как мы прибыли в 1815 год, – его спальня и гардеробная были завалены отвергнутыми вещами. Он ходил взад и вперед по лестничной площадке третьего этажа, что-то бормотал себе под нос, забегал ко мне в комнату и недовольно изучал себя в единственном росте-

вом зеркале в доме и спрашивал моего мнения о каждом своем наряде.

– Я должен произвести впечатление богатого человека. Но не кричаще богатого. Джентльмена. Но не хлыща. Как тебе этот жилет?

– Я думаю, тебе стоит отдать предпочтение сдержанному образу.

– Пожалуй, ты права.

Лиам скрылся в своей комнате, но почти сразу же снова призвал меня и потребовал вынести приговор брюкам. Некоторое время назад он заказал новый парик – тот прибыл утром в сопровождении человека, который слегка завил и припудрил его. К 1815 году парики успели выйти из моды; теперь их носили только старики и представители определенных профессий – в том числе врачи.

*Coup de grâce*⁹ сборов Лиамы стала ванна. Запах чистоты сигнализировал о его появлении в гостиной, где я шила сорочку – ну или пыталась шить; его волнение заразило и меня, и я никак не могла сосредоточиться хоть на чем-нибудь.

– Ну как? – Лиам совершил передо мной пируэт – другого названия этому не было.

Все переживания того стоили: костюм смотрелся превосходно, подчеркивая его стройную, но широкоплечую фигуру; в нем была стать, которую я до сего момента и не замечала, поскольку не особенно вглядывалась. Он был не моего

⁹ Здесь: финальным аккордом (фр.).

типажа, но я знала, как людей в экстремальных ситуациях притягивает друг к другу. Такое случалось со мной и в приемном отделении, и – особенно часто – во время гуманитарных миссий. Перед отправкой в Перу нам устроили неформальную лекцию на эту тему, которая, как мы тогда шутили, предназначалась для того, чтобы избавить людей в браке от чувства вины за измену супругам. *То, что вы испытываете, не имеет отношения к реальности.* Лиам – сухарь, ему была присуща типичная для исконных британцев холодная отстраненность, он не имел привычки демонстрировать эмоции. Я подозревала, что он относится ко мне, американке, с высокомерным снисхождением, а еще он редко понимал мои шутки. В постели он будет ужасен. Я прикинула, что вероятность переспать с ним до конца миссии составляет семьдесят процентов.

– Впечатлился бы даже Бо Браммел.

– Нет ощущения, что я перестарался? – Он поправил парик, скривился при виде себя в зеркале над камином и стряхнул что-то с лацкана. – Браммел умеет выглядеть непринужденно – в этом весь его секрет.

– О нет. – Он был настолько поглощен собой, что я еле сдерживала смех. – Выглядишь великолепно. Но ты наметил темы для бесед?

Лиам оторвался от собственного отражения и посмотрел на меня. Наши взгляды встретились; мы замолчали, и я поняла, что нервничает он ничуть не меньше прежнего, просто

хорошо это скрывает. Он расправил плечи, глубоко вдохнул, затем выдохнул.

– Что-нибудь придумаю.

Сердце у меня ушло в пятки.

Я посмотрела в окно – Лиам сел в портшез и растворился в дорожной суете. Я представила, как он прибывает в клуб, называет свое имя распорядителю и его приглашают внутрь. Но домыслить то, что должно было за этим последовать, мне не удавалось. Я сидела с шитьем в руках и невидящим взглядом смотрела в стену.

Тусклое освещение, темная обшивка на стенах? Дым и тени, вздымающиеся в свете сотен восковых свечей, горящих в канделябрах, как те, что в магазинах на Бонд-стрит? Выпивка? Карты? Воображение рисовало мне компании мужчин, раскатисто хохочущих или поднимающих тосты за прелести какой-нибудь актрисы. Генри Остен – в углу, не один; такой человек не остается без собеседников надолго. К нему подводят Лиама, они обмениваются рукопожатием...

Я так живо все это представила, что у меня разболелась голова, но дальнейшее развитие событий было мне неизвестно. Хотела бы я очутиться там; мне казалось, что в одиночку Лиаму такое не осилить. Но инструкции команды проекта на этот счет были четкими: первыми познакомиться друг с другом должны мужчины, поскольку общение между ними протекало в менее формальном тоне. Если Уильям Рейвенсвуд сойдет за джентльмена, то и сестру его сочтут за леди,

достойную знакомства с Генри Остеном, – или даже потенциальную партию, ведь я была состоятельна и не замужем. Если мы ему понравимся, то он, возможно, представит нас сестре. Возможно, представит – вероятно, представит.

Я тяжело вздохнула, поднялась и подошла к окну. В комнате было темно, что делало меня невидимкой, и я могла свободно разглядывать все что угодно: продавца устриц, фонарщика, прогрохотавший мимо экипаж, слепца с гармоникой, которого под руку вел мальчишка.

Первая встреча должна была стать краткой и церемонной; Лиам мог вернуться в любой момент, однако, когда часы пробили восемь, его все еще не было. С одной стороны, я не то чтобы жаждала его возвращения – во мне рос страх, что это знакомство окажется провалом. Покуда Лиам отсутствовал, провал фактом не был и существовал в состоянии неопределенности, как кот Шредингера.

Часы пробили девять. Возможно, все закончилось катастрофой, и Лиам бродит по Лондону, не решаясь принести домой дурную весть. Либо что-то случилось уже после того, как он вышел из клуба. Что-то свалилось ему на голову: кто-то выронил ночной горшок, кусок черепицы соскользнул с крыши, – и теперь Лиам без сознания лежит на какой-то грязной улочке. Или бандиты зажали его в угол близ доков и его попытки сойти за джентльмена встретили грубыми насмешками. И теперь он зарезан, избит, ограблен, брошен умирать.

Нет. Все это бред. Генри Остен опоздал – он явно из тех, кому это свойственно. А может, Лиам сумел расположить его к себе, и они увлеклись беседой – не так уж это было невероятно. Он умело обращался с прислугой, ничем не выдавая, до чего же странно ему жить с людьми, которые для него готовят, заправляют его постель или носят ведра с горячей водой на три лестничных пролета вверх, чтобы он смог помыться. Мне пока не удавалось привыкнуть к такому положению дел.

Я расхаживала по гостиной, мысли играли в чехарду. Если встреча пройдет как надо, Лиам аккуратно намекнет на наше состояние – мы только что продали кофейную плантацию – и потребность инвестировать средства. Возможный богатый клиент должен привлечь внимание Генри Остена, но грань тут была очень тонкой. Нам надлежало стать не просто клиентами, но заинтересовать его чисто по-человечески, иначе о знакомстве с его сестрой можно было и не думать. А еще через несколько месяцев его банку предстояло разориться – то есть деньги, которые мы ему доверим, будут утеряны навсегда; мы должны были дать ему достаточно, чтобы привлечь его внимание, но все же не слишком много. Мы сумели распределить большую часть нашего поддельного состояния по вкладам в дюжине банков и купили государственные облигации. На время нашего пребывания здесь этого должно было хватить с лихвой, но то, что будет потрачено, мы уже не вернем.

Часы пробили десять. Если эта встреча закончилась провалом, пора переходить к плану Б. Уехать из Лондона, снять домик в Гемпшире неподалеку от места, где жила Джейн Остен, войти в круг провинциального дворянства и в конце концов познакомиться с ней. Это было вполне реально – за городом благовоспитанные люди часто наносили друг другу визиты, по всей видимости, от скуки, – но у этого плана были свои минусы. Джейн вместе с матерью, сестрой и подругой вела замкнутый образ жизни в Чотон-коттедже; у нас были немалые шансы перезнакомиться со всеми ее благородными соседями, но так ни разу с ней и не столкнуться. И поскольку вскоре она должна была приехать в гости к Генри и пробыть в Лондоне до середины декабря, пересечься с ней в Гемпшире до того не представлялось возможным. А после настанет глухая зимняя пора – худшее время для визитов, и несколько месяцев придется провести в бесплодном ожидании.

Нечто похожее я испытывала и сейчас. Я снова подошла к окну и уставилась на улицу, мысленно приказывая Лиаму вернуться. Его так и не было.

Добраться до Гемпшира нам предстояло в любом случае, потому что цель нашей миссии находилась именно там. Рукопись «Уотсонов» все еще была цела, и где еще она могла храниться, как не дома у Джейн Остен? А вдобавок к ней письма Джейн к Кассандре. Ева Фармер выразила насчет них отдельное пожелание: мы должны были завладеть и этой

бесценной сокровищницей сплетен и биографических сведений – большую часть писем Кассандра уничтожила перед собственной смертью, оставив на память любимым племянникам всего десяток-другой. А желания Евы Фармер исполнились по первому же слову; как и говорил Норман Инг, она была гением во главе проекта «Джейн Остен».

Мне вспомнилась наша встреча в тот день, когда она захала в институт за пару недель до нашего отправления. У Евы была манера делать вид, что она такая же, как все, поэтому она приказала, чтобы никто к ее визиту особенно не готовился; институту надлежало работать в обычном режиме. Что было немыслимо: как такое возможно, если ожидается Ева Фармер? Но именно так все и произошло: миниатюрная и одетая с иголочки, с гладким седым «бобом», она вошла в сопровождении небольшого отряда охраны в крытый ипподром прямо во время занятия верховой ездой.

В нашем мире лошади были большой редкостью; до того как попасть в проект «Джейн Остен», я ни разу не видела их вблизи. Но к тому моменту я уже успела привыкнуть к их запаху и размеру, поэтому, несмотря на шок от появления Евы, я относительно грациозно спешила с дамского седла, передала поводья тренеру и сделала реверанс. Нам велели приветствовать ее, не выходя из образа; впрочем, мы и так не выходили из него сутками напролет.

– Доктор Кацман. – Меня окинули внимательным взгля-

дом темных глаз – в них сквозило одобрение. – Как я рада наконец-то познакомиться с вами лично. – Ее интонация взлетела и опала, и последнее слово она протянула так, будто не хотела его заканчивать.

У меня голова пошла кругом. Мне еще не доводилось находиться в компании человека настолько известного, настолько уважаемого, настолько богатого. Атмосфера в помещении изменилась – все теперь вращалось вокруг нее, словно аура на картине Ван Гога. Присущий ей лоск был обусловлен отчасти дорогой одеждой и ухоженностью, отчасти ее личностью как таковой.

Интересно, подумала я, если ко мне обращаются по моему настоящему имени, могу ли я ответить за себя, а не за Мэри Рейвенсвуд – ту личность, в которую я обращаюсь в 1815 году, – но все-таки решила выступить в образе Мэри.

– Весьма польщена, мадам.

– Я поддерживала вашу кандидатуру *с самого начала*. – У нее была привычка выделять и растягивать случайные слоги, а также исконно британский акцент – заученный, в этом я почти не сомневалась, поскольку она была дочерью стоматолога и выросла в Саскатуне¹⁰, а успеха добилась исключительно благодаря собственной гениальности и упорству. – Честное слово. Некоторые сомневались, но я была *непреклонна*.

– За что я весьма вам благодарна. – Я чуть склонила го-

¹⁰ Город в Канаде.

лову, увлекшись этой игрой и в то же время чувствуя себя глупо. – Не сочтите мой вопрос за бестактность, но почему?

– Меня *очень* заинтриговала ваша биография – ваши перемещения по миру и спасенные вами жизни. – Она немного помолчала. – И кое-что из вашего эссе – слова о том, как *исправить мир*. – Она снова умолкла и выжидающе посмотрела на меня. – Это фраза из каббалы, так ведь? Ицхак Лурия? Я изучала ее, но очень давно.

Я не знала, как на это реагировать. В наш век узкой специализации Ева Фармер была раритетом, истинным ученым-энциклопедистом: физиком, чьи работы способствовали созданию сервера «Прометей», игроком в бридж международного уровня, автором благосклонно принятой биографии Джейн Остен и еще одной книги о повседневной жизни в начале девятнадцатого века. Она играла на клавишине и владела коллекцией древних музыкальных инструментов. Но чтобы каббала? Серьезно?

– Кажется, да, – наконец отозвалась я. – Но я использовала это понятие в более широком смысле, имея в виду, что личный долг каждого перед остальным человечеством – улучшить мир настолько, насколько нам это по силам. – Прозвучало это абсурдно – особенно от меня, одетой в амазонку эпохи Регентства, напоминавшую военный мундир, со стеклом в руке, которым я бы в жизни не воспользовалась по назначению. Я верила в те слова, когда писала эссе; я верила в них и сейчас. Но мне доводилось оказывать медицин-

скую помощь в зонах эпидемии, я работала в зоне бедствия сразу же после катастрофического землетрясения. В нашем мире страданий было хоть отбавляй, а я вдруг собралась в 1815 год на поиски какой-то рукописи и личных посланий? – Пожалуй, к Джейн Остен оно прямого отношения не имеет, – сказала я, заканчивая цепочку мыслей, которые увели меня совсем в другую сторону.

– Как раз так *имеет*, – отрезала Ева Фармер тоном, не допуская возражений. – И каждое предложение в том эссе было пронизано вашей любовью к ней, если не сказать – *преклонением перед* ней, Джейн. Читая его, я не сомневалась, что вы – именно тот человек, на которого я смогу положиться и который *сделает то, что необходимо*. – Она сопроводила эти слова внезапным кивком и вскинула безупречные брови. – Думаю, мы с вами понимаем друг друга, доктор Кацман.

Я так не считала. Но времени на расспросы не было – у меня за спиной раздался топот копыт. Лиам, который был на другом конце ипподрома, когда объявилась Ева со свитой, спешил и, низко поклонившись, пожал ей руку.

– Профессор Финекен, *рада* снова вас видеть.

Так они уже встречались? Они завели разговор о каком-то общем знакомом, и на этом аудиенция для меня была закончена. Я испытала не то обиду, не то облегчение – сама толком не поняла.

Когда часы пробили одиннадцать, я преисполнилась же-

ланием что-нибудь сделать – но что? Отправиться на поиски Лиамы нельзя: в Лондоне царил хаос, столица была опасным местом – особенно для женщины, особенно ночью. Взять фиакр я бы не смогла: в одиночку и в такой час ехать в нем было негоже. Что же мне оставалось? Позвать с собой Дженкса? Нет, иных вариантов, кроме как ждать, у меня не было. Если к утру Лиам не вернется, я пойду к бегунам с Боу-стрит¹¹ – предшественникам городской полиции – или сама напишу Генри Остену и... Нет. Если к утру он не явится домой, значит, он мертв – без вариантов. Или его одолели бандиты.

А может, Генри Остен просто устроил ему тур по городу? Человеку при деньгах в Лондоне было из чего выбрать: игорные дома, таверны, театры, бордели на любой кошелек... Нет. Я сопротивлялась мысли о том, что любимый брат Джейн Остен, уважаемый банкир и будущий клирик, мог предложить поход в публичный дом. Не представляла я себе и Лиаму, который на такое согласится; в нашу первую ночь в Лондоне он покраснел и отвернулся при виде меня в исподнем. Вообразить, что они увлеклись игрой, было проще. Хотя от этой мысли меня передернуло: у Джейн Остен не было ни цента собственных денег до тех пор, пока она не продала свою первую книгу, а вот брат ее мог сколько

¹¹ Первая официальная городская служба охраны правопорядка в Лондоне, основанная судьей и писателем Генри Филдингом (1707–1754). Его контора располагалась на Боу-стрит, отсюда и произошло народное название службы.

удобно разъезжать по Лондону в своей двуколке и швырять-ся банкнотами за игорными столами.

Однако это был мир, которым управляли мужчины, он был устроен для их удобства и ублажения капризов, и с каждым проведенным здесь днем я понимала это все лучше. Возможно, они отправились играть, а может, все еще пьянствовали в клубе – в этом веке все пили без продыху.

Лиам, разумеется, знал, как я тревожусь, как сильно волнуюсь, дожидаясь его. И все же...

Часы пробили полночь, а я все смотрела невидящим взглядом на затухающие угольки. Время было дыбой, и меня медленно на ней растягивали.

Меня разбудил настойчивый стук в дверь, после чего раздалось шарканье шагов и приглушенное мужское бормотание; открылся засов, скрипнула дверь.

– Добрый вечер, сэра, – сказал Дженкс.

– Уильям! – Я выскочила на лестничную площадку и помчалась вниз, в фойе, вот только бегать по лестнице так себе идея в принципе, а делать это в длинной юбке и в темноте – особенно. У подножия я наступила на собственный подол и, потеряв равновесие, всплеснула руками и рухнула на Дженкса, чуть не затушив собой свечу, которую он держал. На стенах заплясали тени, Дженкс отшатнулся. – Дженкс! Что ж такое!

– Прошу прощения, мадам, – холодно произнес он.

– Нет, это я прошу.

Почему он до сих пор не спит? Впрочем, ему полагалось бодрствовать: прежде чем отойти ко сну, он должен был удостовериться, что входные двери надежно заперты и защитят нас от грабителей, недовольных народных масс и прочих опасностей, водившихся в Лондоне.

Я повернулась к Лиаму, который, слегка покачиваясь, стоял у порога. Лицо и манишка у него были перепачканы, парик сполз набекрень, взгляд остекленел. Дженкс покровительственно закудахтал и, подавшись вперед, смахнул с плеча Лиама какой-то листик и запер за ним дверь.

– Проводить вас до спальни, сэръ? – удивительно ласковым тоном спросил он. – Обопритесь на меня, если нужно.

Я шагнула к Лиаму.

– Благодарю, Дженкс, но я *сама* позабочусь о брате. Я все равно собиралась идти наверх. Прости, что не отпустила тебя раньше. Нечутко с моей стороны. Вот только... можно мне твою свечу?

Бросив на меня неодобрительный взгляд, он протянул мне свечу и зашагал вверх по лестнице восвояси – его комната располагалась на чердаке.

– Тогда доброй ночи вам, сэръ. Мадам.

Присмотревшись к Лиаму, я поняла, что на щеке и на груди у него не кровь, а грязь; на второй щеке красовалась царапина – кровь уже успела засохнуть. От него пахло спиртным.

– Где тебя носило? – шепотом спросила я – Дженкс все еще был слишком близко. – Я тут с ума схожу от волнения.

Лиам шатнуло вперед, ко мне. Ростом я ниже, поэтому досталось мне изрядно – я будто врезалась в стену. Я выронила свечу, она потухла.

– Ох, прости, – пробормотал он.

Присев, я ощупала пол вокруг, нашла свечу, воткнула ее обратно в подсвечник и встала. Глаза почти приспособились к темноте: полукруглое окно над дверью пропускало свет уличных фонарей, которого хватало, чтобы ориентироваться в пространстве.

– Все, пойдем. – Я взяла его под локоть и потянула его в сторону лестницы, пытаюсь оценить, насколько плохо дело.

Лиам не заметил первую ступеньку, повалился вниз и приземлился на четвереньки.

– Упс. – Кое-как он вернул себя в вертикальное положение.

– Если хочешь, давай ползком. Возможно, так будет безопаснее: падать некуда.

– Рейчел, милая, что же это за позор – ползти по лестнице в собственном доме. – Акцент его звучал иначе: восходящая интонация, мелодичные гласные. Он же вроде говорил, что родом из Лондона? – Я не настолько пьян.

– Ладно, держись за меня. – Я предложила ему локоть, и он, помедлив, принял мою помощь.

В напряженной тишине мы пошли вверх по лестнице. Чем дальше мы отходили от фойе, тем вокруг становилось темнее; к третьему этажу, где располагались наши спальни,

я уже шла на ощупь. Я проводила Лиам до его комнаты и подвела к кровати, он тяжело осел на нее и шумно вздохнул. У выхода я помедлила, гадая, достаточно ли ясно он мыслит, чтобы связно ответить на мои вопросы. Меня злило, что он безответственно напился, наплевав на все опасности Лондона, и все же я испытывала облегчение оттого, что он сумел их избежать.

– Дальше сам справишься? – спросила я. – Тебе что-нибудь принести? Воды, например?

Он наклонился вперед и уронил голову в ладони.

– Ты даже не поинтересуешься, как все прошло? – В акцентах я не спец, но прозвучало это по-ирландски.

Удивленная, я прислонилась к дверному косяку.

– Ну-у, и как все прошло?

Он снова выпрямился, в сумраке я различала только его силуэт.

– Тотального провала, ожидать которого можно было с полным правом, не случилось.

– Так что произошло? Что ты натворил? – Помимо того, что напился.

– Там была эта – такая ваза с пуншем. – Он сделал паузу. – Опасное зелье. Спиртное не должно быть вкусным. Туда приехала пара его друзей. Включая доктора примерно моего возраста, который также учился в Эдинбурге. – Лиам сделал паузу, чтобы до меня дошло сказанное. Он тихо засмеялся и успокоился не сразу. – Который вспомнил, что видел

меня на лекциях по анатомии!

– Вау. – Я шагнула обратно в комнату. – Вот это везение! Он приехал туда уже в подпитии?

– А потом кто-то предложил всем вместе поехать в театр. Но сначала выпить еще пунша. Пунша было столько, что планы насчет театра сошли на нет. Мы все говорили и говорили, а потом, уж не знаю как, мы с Остеном заболтались и дошли до Вестминстерского моста. – Он ненадолго умолк, затем продолжил – уже тише: – Там было так красиво. Огоньки от лодок на воде.

Он затих, я тоже молчала, завидуя мужской свободе.

– Как-нибудь и мы с тобой там прогуляемся, Рейчел, милая, – сказал он и зевнул.

– К сожалению, разгуливать по Лондону в темное время суток может только один сорт женщин – шлюхи.

– О. Этих там, кстати, было полно.

Еще одна пауза.

– Ну так какой он? Расскажи в подробностях.

– Он очарователен. Любимый брат Джейн Остен – разве может он не быть очаровательным? Впрочем, сама увидишь, потому что нас пригласили отужинать вместе на следующей неделе.

– Правда? Нас обоих? Поверить не могу. – Ужин – это было серьезно; я бы вполне довольствовалась и меньшим: утренним визитом, приглашением на чай.

– Да я и сам не верю.

Я похолодела.

– Но это ведь случилось? Он действительно пригласил тебя? Нас?

– Пригласил, – внезапно насторожившись, подтвердил Лиам.

– Так почему ты тогда не рад? Не понимаю.

– Я рад. – Он принялся стягивать сапоги. – Так рад, что... даже не могу... Господи... – Он сдался. – Обычно это Дженкс делает.

Я нехотя подошла.

– Давай сюда свою ногу.

Я ухватила его сапог и дернула, а он повалился назад на кровать. Смесь любезности и интимности момента смутила меня, потому что это был Лиам – будь на его месте кто-то менее чопорный, вышло бы смешно.

– За эту услугу мне доплачивают сверху, – пошутила я, подразумевая свою врачебную деятельность, но внезапно осознала, что мы только что обсуждали шлюх.

Тут его сапог соскользнул, и я, потеряв равновесие, плюхнулась на пол с ним в руках. На секунду мы оба ошарашенно затихли, а потом зашлись приглушенным смехом, помня, что слуги уже спят.

Ну, может, семьдесят пять процентов, подумала я.

Глава 3

3 октября

Дом 23 на Ханс-плейс

В день ужина я приняла ванну и дольше обычного раздумывала, во что бы нарядиться, впрочем, перемерять все свои вещи не стала. Я успела обзавестись тремя вечерними платьями, но нравилось мне только одно – из белого шелка в едва заметную крапинку, простого кроя, – я залюбовалась им в лучах полуденного света, которые отражались от зеркала в моей гардеробной. Благодаря Грейс, ловко управлявшейся с папильотками, волосы у меня были собраны в аккуратный пучок на затылке, а вместо привычных буйных кудрей лицо обрамляли скромные завитки. Кожа смуглого оттенка, карие глаза, высокий лоб, узкий подбородок, большой рот, нос с горбинкой. Мне всегда нравился мой нос, но в тот день я рассматривала его особенно пристально и задавалась вопросом, который прежде не приходил мне на ум: не откровенно ли еврейская у меня внешность? И, что куда важнее, заметит ли это Генри Остен? Я прищурилась и вгляделась в отражение, пытаюсь увидеть то, что видят незнакомцы. Карибское происхождение, экзотическое и подозрительное, было полотном, на которое люди могли спроецировать собственные догадки: мавританка, мулатка, сефардка, еще кто-то. Изучая свою внешность, я пришла к выводу, что мое при-

крытие – это контекст, а создает его Лиам. Высокий, бледный, угловатый, он выглядел как британец и к тому же убедил Генри Остена, что он джентльмен, – в противном случае нас не пригласили бы на ужин, – а я буду представлена как его сестра.

От сегодняшнего вечера зависело очень многое. Кто-нибудь более осмотрительный испытывал бы страх, но я была в предвкушении. Даже несмотря на то что от волнения у меня начал подергиваться глаз, а поездка в тряском фиакре на запад, в Челси, казалась дорогой в клетки на виселицу. Лиам вел себя тише обычного и, скрестив руки на груди, смотрел в окно фиакра с отсутствующим видом.

– Помни, – сказал он, когда мы выехали на овальную площадь Ханс-плейс, – будь приветлива, но держись скромно.

Это еще что значит?

– Ладно. Уговор.

Он скривился.

– И, если ты не против, можешь оставаться в образе по-дольше, даже когда мы одни? Негоже будет дать маху, если что-то застигнет тебя врасплох. Иногда твоя речь звучит очень по-американски. Вот как только что.

Я всматривалась в его длинное лицо, пытаюсь постичь, что за ум скрывается за ним. Акцент у меня был эталонный; если и есть у врачей определяющая черта, так это умение заучивать и воспроизводить по команде. Я слышала голос Мэри Рейвенсвуд у себя в голове, ловила себя на том,

что использую ее словарный запас и манеру строить фразы – как мысленно, так и вслух, не задумываясь. И это было до того странно, что иногда я испытывала непреодолимое желание приправить свою речь медицинским жаргоном, ругательством, американизмом или словечком на идише, он же лингва франка¹² Нью-Йорка, – чем угодно, лишь бы не раствориться окончательно в образе героини Джейн Остен.

– Хорошо, – сказала я с безупречной дикцией. – Благодаря, что напоминаешь мне о моем долге.

Казалось бы, разговор в ту ночь, когда Лиам вернулся домой после встречи с Генри Остеном, должен был нас сблизить. Но он больше не возвращался к тому моменту, а я считаю, что сказанное в подпитии нельзя использовать против говорившего – да и что такого он вообще тогда сказал? Ничего особенного. Это было скорее нечто на уровне чувств, а чувства – штука эфемерная.

Галстук у Генри Остена был белоснежный, он окружал его шею пышными крахмальными воланами – само совершенство, а не галстук; пока Лиам представлял нас друг другу, я любовалась игрой света и теней в его складках. Необходимо ли рукопожатие, решала женщина, так что я подала ему руку – нужно было удостовериться, что он действительно существует, – до того невероятным казался этот момент.

¹² Лингва франка (от ит. lingua franca – «франкский язык») – язык или диалект, используемый в социокультурной коммуникации людьми, родными для которых являются другие языки. Так, например, на территории стран, вышедших из СССР, лингва франка – это русский язык, в Южной Америке – испанский.

Его кожа была гладкой и мягкой, ладонь – приятно теплой; моя рука утонула в его руке, и он крепко сжал ее, так, будто имел полное на это право. Это мужчина, который знает, чего хочет, подумала я и ощутила смутный трепет. Возбуждение? Сигнал тревоги?

– Знакомство с вами – большая честь для меня, мисс Рейвенсвуд. – Не выпуская моей руки, он поклонился, нивелировав официальность жеста заговорщицкой улыбкой. Среднего роста, ладного сложения, одетый с иголки, без парика и с выдающимся носом, как на портретах всех Остенов, он выглядел именно так, как я его себе и представляла, – точная копия моей фантазии. Может, даже лучше. – Ваш брат рассказывал, до чего вы неподражаемы и пленительны... И, вижу, он не преувеличивал.

Его ясные карие глаза смотрели на меня в упор, и у меня возникло чувство, что меня оценивают – украдкой, в джентльменской манере, но все же оценивают, – и я ответила:

– Стало быть, вам повезло больше, ибо о вас он не поведал мне ни слова, несмотря на все мои просьбы.

На следующий день после первой их встречи Лиам, вялый и с запавшими глазами, сказал лишь, что ужин прошел отлично (в переводе с языка девятнадцатого века: они напились до беспамятства), и повторил, что Генри Остен очарователен и что нас *обоих* пригласили на ужин.

Генри бросил взгляд на Лиаму – тот лишь вскинул бровь

и пожал плечами, не отрицая выдвинутых мной обвинений, а затем отвернулся и принялся рассматривать большой раскрытый атлас, который лежал на ближайшем столе.

– Ваш брат – сама деликатность, не правда ли? Он просто не желал сообщать вам правду: «О, этот мистер Остен, он просто старик, ужасный брюзга и одной ногой уже в могиле, однако мы должны ему потрафить, ибо сэр Томас-Филип снабдил нас письмом...»

– Для меня уже вполне очевидно, что ничто из сказанного к вам не относится, сэр.

– *Distingué*¹³, скажем так. На французском все звучит куда безобиднее.

– Вам хорошо знакома Франция?

– Так же как и всем в наши дни. Моя дорогая супруга, – взгляд, который он так с меня и не сводил все это время, соскользнул на камин, затем вернулся ко мне, – училась там, и первый ее муж, бедолага, был французом. – Заметив, что я напряглась, он добавил: – Видите ли, он был граф. Казнен на гильотине. Ужасно.

– О, до чего же скверно. – Я повернулась в сторону, куда он посмотрел, и уперлась взглядом в миниатюру, стоявшую на каминной полке между фарфоровым спаниелем и шка-тулкой для свечей. – Это ее портрет? – спросила я, хотя и так знала ответ.

Элиза Хэнкок в юности: большие темные глаза, острень-

¹³ Здесь: Вы сама любезность (фр.).

кий подбородок, озорная улыбка и пышная прическа по моде восемнадцатого века. Мастерница частной переписки и светская кокетка. Когда она овдовела, за ней начали ухаживать сразу два кузена. Преуспел в итоге Генри, а его старший брат Джеймс, священник, остался не у дел. Что, вероятно, стало причиной некоторой натянутости в их отношениях, несмотря на то что в семье Остенов все друг друга очень любили.

– Ее нет уже два года. – Он снял миниатюру с полки и передал мне.

Я всмотрелась в портрет.

– Соболезную вашей потере. – Я перевела взгляд на него и по тому, как он торопливо вскинул лицо, поняла, что он рассматривал мою грудь. Которую, в его оправдание, не заметить было трудно: по моде 1815 года акцент в вечерних нарядах делался на декольте – корсет нескромно выталкивал грудь вверх, но, в отличие от повседневных образов, ту не прикрывали фишю или короткий жакет-спенсер.

Удивленная и слегка пристыженная, я, кивнув, вернула ему портрет и оглядела гостиную, отчаянно надеясь придумать новую тему для беседы. Комната, представшая передо мной, имела продуманно-обшарпанный вид: разнообразная мебель в кожаной обивке, стопки книг и дорогого вида турецкий ковер, впрочем, довольно истертый.

– Ваш дом очень удачно расположен, здесь решительно пастораль. – Район Челси в то время был скорее деревней и к Лондону не относился. – Вы давно здесь живете?

С виду увлеченный атласом, Лиам в разговор не вмешивался. Но именно в этот момент оказавшись в выгодном положении за спиной у Генри, он посмотрел на меня и с улыбкой кивнул. Он насмехается над моими навыками ведения беседы или это знак одобрения? Почему он не приходит мне на помощь?

– Почти два года, но я хорошо здесь обжился. Надеюсь, что переезжать отсюда мне придется нескоро.

Генри поселился здесь после смерти Элизы, видимо, потому что хотел избежать печальных ассоциаций, связанных с предыдущим домом. Я знала, что переехать ему все же придется – и довольно скоро. Когда его банк разорится, он лишится этого дома вместе со всем его содержимым и навсегда покинет Лондон. Никаких больше званных ужинов, походов по театрам и визитов родственников, живших за городом: он примет сан и до конца жизни будет нуждаться в деньгах. Знать, что ждало его в будущем, было странно; это чувство навевало горечь и некую меланхолию.

– Ах, вот и остальные. – Он повернулся на звук голосов, донесшихся из холла. – Сегодня очень скромный прием; надеюсь, вы не против. Только мистер и миссис Тилсон – они мои соседи и практически родня мне, моя лондонская семья. Настоящие мои родственники – провинциалы до глубины души. Кроме моей сестры Джейн – она жила бы здесь, если бы могла.

– До чего необычно, – сказала я. – И почему же?

Он, кажется, не ожидал такого вопроса.

– Она обожает наблюдать за людьми, а здесь их большое разнообразие.

– Вы не думали перевезти ее сюда после смерти вашей супруги? – спросила я – меня снедало любопытство, но вопрос был все же слишком личным, чтобы задавать его тому, с кем я только что познакомилась. Поэтому я добавила: – Но я что-то увлеклась предположениями. У нее, вероятно, есть собственный дом, которому нужна хозяйка.

– Она не замужем, – сказал он. – Но да, она живет с нашей матерью и еще одной сестрой в Гемпшире, так что дом у нее есть. Мне бы и в голову не пришло вырвать ее оттуда с корнем, да и остальные воспротивились бы. Впрочем, она довольно часто здесь гостит – и скоро приедет снова. Возможно, вы и сами захотите с ней познакомиться.

Я склонила голову набок, надеясь, что он говорит всерьез, но тут в гостиную вошли Тилсоны, и ответить ему я не успела.

Они были примерно одного возраста с Генри, но выглядели старше. Мистер Тилсон был благодушен, румян и пышнотел. Когда мы сели ужинать, я изумилась тому, сколько он ест. В один момент его тарелка была полна, через миг – уже пуста, но ел он при этом спокойно, не торопливо и не жадно. Миссис Тилсон была бледна и худа и вид имела изнуренный – как и подобает той, что пережила одиннадцать родов. Ее младшему ребенку было около двух лет.

Когда нас представили друг другу, они не проявили ни холодности, ни теплоты: тогда я впервые столкнулась с тем, что позже привыкну считать стандартными манерами английского дворянства, и впервые заподозрила, что Генри отличается от большинства.

Он и Лиам продолжили беседу за ужином. Подзуживаемый Генри, Лиам рассказывал исполненные самоиронии байки о том, как мы добирались сюда с Ямайки: как нас трепали шторма и морская болезнь, как мы едва не попались в руки пиратов, как нас практически обобрали хозяева трактира на пути из Бристоля, где мы высадились на сушу, как ошеломили нас масштабы и великолепие Лондона. Лиам все вещал и вещал, расслабленный, искренний, чуть ли не наивный, но в то же время смешной, а я только диву давалась, насколько недооценила его талант к импровизации.

Ужин по георгианской традиции состоял из двух перемен блюд, стол ломился от разнообразных угощений – гости подкладывали себе те, что стояли ближе, и ели, пока не наедались. Затем лакей убирал все блюда и выносил новые, схожие с предыдущими, только без мяса, и запивали их белым вином вместо красного. Единственным, кто пил без остановки, был мистер Тилсон, хотя на него это заметного эффекта не оказывало – разве что лицо его становилось все краснее.

После второй перемены принесли бутылку портвейна и блюда с сухофруктами и орехами – застолье продолжалось. Посреди дискуссии о том, придется ли снова воевать

с Соединенными Штатами – Генри и мистер Тилсон считали, что это неизбежно, Лиам с ними не соглашался, – миссис Тилсон украдкой бросила на меня взгляд и поднялась. Подошло время нам удалиться и оставить мужчин в компании спиртного.

– Не будем мешать джентльменам решать судьбу мира, – кивнув, сказала миссис Тилсон и выплыла из комнаты, а я последовала за ней, и мы вернулись в гостиную, с которой для меня начался этот вечер.

Она расположилась в одном из кресел возле камина, и я поступила так же. Установившееся за этим безмолвие затягивалось. За ужином она почти не участвовала в беседе, и я так и не смогла понять, что она за человек и о чем с ней вообще говорить. Хуже того, я понятия не имела, что за человек *я сама*. Как доктор Рейчел Кацман я бы с радостью расспросила ее о сотне разных вещей: о процессе деторождения, об уходе за младенцами, о гигиене, о детской смертности. Будучи мисс Мэри Рейвенсвуд, я сидела, сложив руки на коленях, и не могла выдавить из себя ни слова.

– Ваш брат – большой шутник, да? – сказала миссис Тилсон. Я не сразу поняла, как воспринимать этот вопрос, но ее скупая улыбка меня обнадежила. – Мне не было так весело с тех пор, как я отказалась от театра.

– Что вы имеете в виду под словом «отказалась»?

– Лишь то, что я перестала туда ходить.

– И почему же?

– Он стал казаться мне слишком фривольным местом. Визиты туда не совместимы с моим христианским долгом.

Я знала, что Джейн Остен дружила с истово верующей миссис Тилсон, как знала и то, что Джейн Остен, пусть и серьезно относившаяся к религии, посещала театр, как только выдавалась такая возможность.

– Надеюсь, вы не подумаете обо мне плохо, мадам, если я сознаюсь, что меня приводит в восторг перспектива посещения театра, ибо много лет у меня такой возможности не было.

– Дорогая мисс Рейвенсвуд! Вам и положено развлекаться, пока вы в городе. Вне всяких сомнений.

– Но и забывать о долге перед Спасителем все-таки негоже, – пробормотала я.

Миссис Тилсон просияла.

– Раз в неделю мы с сестрами и старшими дочерьми читаем и обсуждаем Евангелие. – Она добавила: – Извольте к нам присоединиться?

– Буду счастлива. – Интересно, подумала я, она предложила это из вежливости или это действительно случится?

Мы улыбнулись друг другу. Не успела я придумать новую тему для беседы, как она произнесла:

– Верно ли я поняла доктора Рейвенсвуда: вы впервые в Англии? И оба всю жизнь провели на Ямайке?

– Впервые. Но брат учился в Эдинбурге и раз-другой бывал в Лондоне.

– Конечно, ведь пересекать Атлантику так опасно.

Долгая война с Францией, которая сильно осложнила возможность выезжать за пределы Британских островов, закончилась только минувшим летом; люди до сих пор с трудом воспринимали мысль о том, что наступил мир. Она взглянула на меня – я прочла в ее глазах невысказанный вопрос.

– И все же ваши родители не считали климат неблагоприятным?

– Наша кофейная плантация располагалась в горах, там климат умеренный. – Я запнулась. – Или вы имели в виду климат нравственный?

– Мисс Рейвенсвуд! – Она отвела взгляд. – У меня и в мыслях не было вас оскорбить.

– Я признательна вам за искренность. – Она подкинула мне шанс поменять тему. – Я должна объясниться. Мой отец, еще будучи юношей, получил наследство от кузена, которого толком не знал, и отправился туда, чтобы лично взглянуть на владения. Увиденное склонило его к решению посвятить собственную жизнь улучшению жизни тех рабов, что оказались в его распоряжении, и постепенному их освобождению. На это ушло много лет. После его смерти мы с братом решили продать землю и уехать отсюда. Если вам известно, какие нравы царят в тех местах, то вы сами понимаете, что действия отца не слишком расположили к нему прочих рабовладельцев.

– Могу представить. – Ее реакция полностью оправдала

мои надежды: она застыла и вся обратилась во внимание. – Об этом мистер Остен нам не рассказывал.

– Мы постарались обойтись без огласки, насколько это было возможно. Мы не жаждем от мира похвалы, как не страшимся и порицания. И все же подобный шаг...

Она взяла меня за руку и заглянула мне в глаза.

– Мисс Рейвенсвуд! Я все прекрасно понимаю.

Тут распахнулась дверь обеденной залы, и в гостиную гуськом вошли джентльмены. Разговор потек на общие темы, и вскоре принесли чай. Миссис Тилсон, взяв на себя роль хозяйки, принялась за всеми ухаживать.

– Желаете сахару? – предложила она мне.

– Я наелась его на всю жизнь вперед, – ответила я.

Она положила на место щипцы и многозначительно на меня посмотрела. Сахар был продуктом, который в первую очередь ассоциировался с Карибами; его даже призывали бойкотировать в знак протеста против условий труда на островах.

Услышав мои слова, Генри, сидевший рядом, обернулся к нам.

– Полагаю, сахар – это порок, – сказал он. – Однако я не представляю себе жизни без него. Но я ведь слабовольное создание, раб собственных appetites, не так ли, Тилсон?

– Как Одиссей, привязанный к мачте, – согласился мистер Тилсон.

– Вряд ли порок. – Я оплошала. Мое замечание, пустой

звук для миссис Тилсон, для Генри прозвучало как неподобающе прямой намек на проблемы геополитики. – Потворство, роскошь – но не порок. Не следовало мне так говорить. Не стоит множить заблуждения, поддакивая моим глупостям, мистер Остен.

– Вы – моя гостья, и я бы поддакнул и куда более вопиющей глупости. – Он с интересом посмотрел на меня. – К счастью, я избавлен от такой необходимости. Вы всего лишь произнесли вслух правду – в нашем мире это редкость.

Я кивнула – возразить мне на это было нечего. Подняв глаза, я увидела, что он все еще смотрит на меня, а Лиам погрузился в расспросы Тилсонов о той части Оксфордшира, откуда был родом мистер Тилсон.

– Мисс Рейвенсвуд, – подавшись вперед, тихо сказал Генри, – надеюсь, вы быстро освоитесь в Лондоне. – Я уловила исходивший от него тонкий запах: нечто вроде аромата свежeweыглаженной рубашки и слабые нотки медикаментов, не вызывавшие отторжения. – Обстановка здесь явно отличается от привычной вам.

Я признала, что он прав, но отметила, что неприятной эти отличия ее не делают.

– Мы с братом полагаемся на вас – вы, как Вергилий, проведете нас сквозь все местные круги.

Он выгнул бровь.

– Надеюсь, вы не сравниваете Лондон с адом Данте. Хотя местами они, пожалуй, довольно схожи. Вам от таких мест

стоит держаться подальше.

– Вижу, без вашего покровительства мне положительно не обойтись. – Я кокетливо выгнула шею и улыбнулась ему. Не будет ли наглостью напомнить ему о предложении познакомиться меня с его сестрой?

– Ну? – требовательно осведомился Лиам, когда мы ехали домой в экипаже.

– Ты был великолепен! Молодец.

– Ты лучше скажи – как он тебе? Симпатичен?

– Весьма. – Уже одно то, что он был самым любимым братом Джейн Остен, вызывало к нему неодолимый интерес. А еще то, каким персонажам она подарила его имя: Тилни – своему самому очаровательному созданию и Кроуфорду – самому неоднозначному. – Но, пожалуй, скорее во французском смысле, чем в английском.

– Слишком льстив и галантен?

– Возможно. – Но дело было не в этом. Тогда в чем же? Я снова вспомнила, как он на меня поглядывал – украдкой, но с огоньком. – Мне кажется, он бывалый повеса, – сказала я и сама удивилась.

– Он все-таки любимый брат Джейн Остен.

– Думаешь, она тоже окажется кокеткой?

– Не уверен. – Но развивать эту мысль он не стал, только спрятал лицо в ладонях и шумно выдохнул. – В целом он мне нравится. Но куда важнее, чтобы он пришелся по вкусу тебе.

– Он мне вполне по вкусу. – Вполне по вкусу для того,

чтобы я могла исполнить роль потенциально удачной партии для человека, которому вскоре предстояло лишиться всех своих денег; такому джентльмену в качестве финансового парашюта пригодилась бы состоятельная жена. Будучи девушкой не первой молодости и, согласно нашей карибской легенде, сомнительного происхождения, я, пожалуй, идеально подошла бы сорокачетырехлетнему овдовевшему банкиру, что так и не оправдал надежд, которые он подавал в юности.

Перспектива оказаться в роли удачно попавшего ему в руки козыря виделась мне одновременно жуткой и уморительно смешной – я словно очутилась в еще не написанном романе Джейн Остен. Именно поэтому мы и прибыли сюда под видом брата и сестры – это была со всех сторон выгодная комбинация для того, чтобы поддерживать в нем интерес, чтобы всегда иметь повод быть рядом, пока мы не подберемся к Джейн Остен, к ее письмам и рукописи. На ухабистом пути домой я с удивлением поймала себя на мысли, что это работает – так быстро и с виду так просто.

– Вот только из меня кокетка так себе, – призналась я, гадая, откуда вдруг взялась эта потребность исповедаться. События вечера неожиданно сильно выбили меня из колеи. – Изъясняюсь двусмысленно. Перегибаю палку.

– Не прибедняйся. Ты там флиртовала как бешеная.

Если это и был комплимент, то совсем не тот, что мне хотелось получить. Я внезапно поняла: я привыкла считать се-

бя человеком, который *не* кокетничает, который прямолинеен в беседе и вслух говорит о том, чего хочет. А сейчас мне очень хотелось сменить тему.

– Так откуда ты родом, Лиам?

– Из Лондона. Почему ты спрашиваешь?

– То есть ты *действительно* исконный британец? Или родился в другом месте?

– Все мы теперь британцы. – Это была официальная линия – так начали говорить после Вымирания и всего, что за ним последовало. Подготовленная лучше других стран, Британия превратилась в оплот, прибежище для носителей английского языка со всего света и частично вернула себе статус империи времен девятнадцатого столетия, пусть и в иной форме, поскольку империи теперь существовали в виде идей, а человеческая изобретательность и воображение стали паровозами и угольными шахтами нашей эры.

– Но некоторые – британцы в большей степени, чем прочие. – Так тоже говорили все: в обществе возникли иерархии, как это происходило во все времена. – Вот ты – *исконный* британец?

Повисла пауза.

– Что заставило тебя в этом усомниться?

– Я работаю с тобой уже больше года, но до недавних пор у меня такой вопрос даже не возникал. Хотя сама я... Пяти минут беседы со мной хватит, чтобы понять – я не британка. – Он молчал, и у меня возникло ощущение, что я задела

его за живое. – Но это не имеет значения. Мне просто любопытно.

– Что меня выдало?

– Брось, это неважно.

– Мне просто интересно. Что именно?

Отступить он явно не собирался.

– Той ночью, когда ты вернулся домой после встречи с Генри Остеном, твоя речь звучала иначе – только и всего.

Некоторое время мы ехали в тишине, а затем Лиам наконец проронил:

– Я из Ирландии. Но уехал оттуда давным-давно. Я вообще не считаю себя... – Мысль он не закончил.

– Ну что, разбираюсь я в акцентах? – сказала я, надеясь перевести разговор в менее мутное русло. Непонятно, почему ему так не хотелось это признавать, но деваться было некуда, и я ощутила неловкость – из-за его притворства, из-за того, что уличила его. Но во время подготовки он так убедительно изображал исконного британца; подкрепляла это впечатление его девушка, Сабина, – я видела ее пару раз, когда она заходила в институт: вся из себя высокая блондинка, которая в скучающе-аристократичной манере растягивала гласные. – И какая своеобразная ирония. Помнишь, мы прочли в той статье о восприятии местными иностранцев, что в 1815 году англичане ненавидели евреев и ирландцев больше, чем кого-либо? Больше, чем даже французов! – Несмотря на только что завершившуюся двадцатилетнюю войну с последними.

Наши сиденья в фиакре располагались друг напротив друга, узкие и неглубокие настолько, что мы то и дело сталкивались коленями и бормотали извинения. Лиам откинулся назад, и его рот растянулся в улыбке.

– Возможно, как раз поэтому нас сюда и отправили.

– Из соображений этнического разнообразия?

– Вроде того. – Помолчав, он продолжил: – Чтобы продемонстрировать широту своих взглядов. Стремление к равноправию и великодушие, присущие исконно британской ментальности. Сплошные достоинства.

Его интонация была настолько нейтральной, что я не могла понять, сарказм это или нет. Дальше действовать можно было двумя способами: отстать от него – ну и пусть себе секретничает, – либо надавить и узнать, в чем там дело. Вскрыть нарыв, скажем так. Как только эта ассоциация пришла мне в голову, выбор оказался очевиден.

– Прости, если лезу не в свое дело, но я не понимаю, зачем тебе... Важно ведь не то, откуда ты вышел, а куда пришел, и ты, как по мне, весьма преуспел в этом плане. – Он не удостоил меня ответом. – Ты написал прекрасную книгу, тебя выбрали для этой миссии, у тебя красивая девушка... – На этих словах он беспокойно заерзал, и я перефразировала: – Ты так и не рассказал мне, как вы с Сабиной познакомились. Она ведь не из академических кругов? В каком-то аукционном доме работает, так?

– Сто лет назад. В старшей школе.

– Она тоже ирландка? – Я решила не выказывать удивления, что бы он ни ответил.

– Нет, конечно. – Лиам запнулся, и я собралась было метнуть в него очередной вопрос, но тут он заговорил снова: – Мы оба учились в Крофтоне.

Я знала, что это была одна из самых элитных закрытых школ, бастион исконно британского духа.

– Так вы вместе со школьной скамьи? Как мило. – Я всегда поражалась таким людям: неужели они успевали сформироваться как личности к шестнадцати-семнадцати годам?

– О нет! В то время она не желала иметь со мной ничего общего.

Я задумалась.

– Не очень-то она была тогда прозорлива, да?

Он не ответил. Мои слова повисли в воздухе, и, только когда кучер прикрикнул на лошадей и натянул поводья, я поняла, что мы уже дома, на Хилл-стрит.

На следующее утро я проснулась с ощущением, что куда-то опаздываю, на середине какой-то мысли, словно обдумывала все произошедшее во сне. Нужно было нанести утренний визит миссис Тилсон. И более того, нужно было спланировать ужин, чтобы дать симметричный ответ на гостеприимство Генри Остена. И времени у меня было немного, а ужин наподобие того, что подавали у него, – первая перемена из семи блюд, вторая из шести – требовал невообразимого количества хлопот.

Обычно я встречалась с миссис Смит после завтрака, но сегодня ждать так долго я не могла. Умывшись и одевшись, я поспешила напрямик к ней и тремя этажами ниже обнаружила ее в припорошенном мукой фартуке за приготовлением пирогов.

– Желаете кофе, мисс? Что ж вы не позвонили?

Слуги терялись, когда я без предупреждения заявлялась вниз, но поводы для этого я находила постоянно. Меня манила кухня, жаркая и пахучая, – место, где происходило загадочное, непростое действо.

– Сколько времени у вас уйдет на то, чтобы приготовить ужин – из большего количества блюд и более изысканный, чем обычно? Если помимо нас с братом будет, к примеру, еще три гостя?

Миссис Смит поджала губы и задумалась. У нее были темные глаза, широкое незлое лицо и крепкое телосложение, однако роста она была невысокого – что вполне типично для людей, которым с раннего детства недоставало в рационе белка и приходилось много трудиться.

– Сколько блюд вы хотите подать? И каких?

– Они те еще едоки. По крайней мере, один из них. Хотя бы по пять блюд на перемену? Я доверяю вашему вкусу, миссис Смит. Что сейчас принято подавать?

Она кивнула.

– Так. – Кухарка воздела одну руку, вторую и принялась загибать пальцы, перечисляя блюда. – Во-первых, суп –

скажем, малигатони¹⁴. Затем, положим, утка с горошком. Кролик, тушенный с луком. Вареная говядина с капустой – это все любят. Свекла. А для следующей перемены – хорошая рыба в белом соусе. Какой-нибудь пудинг. Рагу с грибами – сейчас оно в моде. Салат. Копченый угорь?

– Все это звучит прекрасно.

У миссис Смит закончились пальцы, и она уставилась в никуда, но припыленных мукой рук так и не опустила.

– «Малыш-утопленник»! Вот это пудинг что надо.

– Чудесно. – Интересно, подумала я, в чем больном воображении родилось такое название для этого блюда – отвратительного десерта на нутряном сале. – Сколько времени вам понадобится, чтобы приготовить такой ужин?

– Двух-трех недель с лихвой хватит.

Я в смятении взглянула на нее. Через две недели здоровье Генри Остена пойдет на спад и у него уже будет гостить сестра.

– Неужели это так долго?

Она выпрямилась в полный рост и захлопала глазами.

– Уверена, что на Ямайке все было иначе. Но здесь только я да малец Том, который подсобит то тут, то там. Такой ужин – дело хлопотное, и времени он требует немало, да и с первого раза на рынке всех продуктов не отыщешь,

¹⁴ Блюдо псевдоиндийской кухни, изобретенное в XVIII веке британскими поварами для своих белых господ. Основные ингредиенты – куриное мясо или ягнятина, чечевица и острые специи.

особенно приличных. И кролик, знаете ли, должен отвисеться пару дней, чтобы...

– А за неделю справитесь? Или за восемь-девять дней? Грейс тоже может помочь.

– Грейс будет занята уборкой. И вашим нарядом. – Она произнесла это без упрека в голосе, но меня обдало волной стыда.

Камеристку я нанять так и не сподобилась и перед ужином с Генри привлекла к этому делу Грейс – она помогла мне одеться и уложить волосы. Справилась она играючи, что меня совсем не удивило: Грейс была хороша во всем, за что бы ни бралась. Но до этой минуты мне не приходило в голову, что на те несколько часов, которые она провела, хлопота над моим внешним видом, ей пришлось отложить прочие свои дела.

Миссис Смит кашлянула.

– Кстати об этом, мисс, я хотела спросить у вас насчет моей сестры. Сейчас она не устроена, но она бывалая кухарка. Работала под началом повара-француза в одном из лучших домов Кента. Мне бы ее помощь очень пригодилась.

– У вас есть сестра? – «Не устроена» означало «сидит без работы», чего прислуга себе позволить не могла. – Если она хоть чуточку похожа на вас, я непременно ее найму. Велите ей заглянуть к нам, и я с ней побеседую.

– О, спасибо вам! Я ей передам.

– Но все же, как вы думаете, успеем мы созвать ужин рань-

ше, чем через две недели?

Она все еще светилась радостью от перспективы работать вместе с сестрой.

– Ох, Господь, надеюсь, что да. Я схожу за покупками и посмотрю, как все складывается.

– На следующей неделе? Скажем, во вторник? У нас будет почти неделя на подготовку.

Поколебавшись, миссис Смит ответила, что да, возможно, успеть получится. Я поднималась наверх, теребя спектронометр, что висел на цепочке у меня на шее, и прикидывала, сколько всего мне еще нужно сделать. Лакей. Нам нужен лакей.

И комната для завтраков, и обеденная зала располагались на первом этаже дома – типично георгианского: три окна в ширину, четыре этажа в высоту плюс подвал, где находились кухня и кладовки. Я вошла в обеденную залу и окинула ее придирчивым взглядом моих потенциальных гостей. Просторное помещение, потолок в лепнине и гарнитур красного дерева – длинный стол и шестнадцать резных стульев. В первые дни на Хилл-стрит мы с Лиамом ужинали здесь, но вскоре перенесли все свои трапезы в комнату для завтраков. Стол там больше подходил для двоих, и располагалась она ближе к лестнице из кухни – слугам так было удобнее.

Обеденная зала выглядела такой большой, что принимать здесь всего пять человек казалось абсурдным. Неужели команде проекта так сложно было снабдить нас еще хоть пароч-

кой рекомендательных писем в довесок ко всем тем поддельным банкнотам? В Лондоне нас никто не знал, но все же – ни кузенов, ни приятелей, ни крестных? Впрочем, это было логично. Любое лишнее знакомство увеличивало наши шансы столкнуться с кем-то, кто действительно бывал на Ямайке, и риск разоблачения. Чем меньше мы посягаем на этот мир, тем лучше.

Я сложила руки на груди и призадумалась. Посуда, столовое серебро, скатерти – достаточно ли элегантно все это выглядит? Для такого ужина понадобится много свечей. Нужно заказать с запасом.

Удачная ли это идея – устроить для Генри Остена ответный ужин – или достаточно и приглашения на чай? На миг я польстилась на эту мысль: чай в гостиной, кекс и фрукты – гораздо меньше рисков ошибиться. Но нет. Ужин отметет все сомнения в том, знаем ли мы правила приличий, принадлежим ли к этому кругу. Если только не оплошаем.

Я собиралась навестить миссис Тилсон, дабы упрочить нашу дружбу, но так увлеклась планированием ужина, что потеряла счет времени и испытала одновременно радость и жуткий стыд, когда Грейс заглянула ко мне и сообщила, что миссис Тилсон явилась с визитом сама.

У окна гостиной она выглядела куда более хрупкой и бледной, чем при свечах, и я подумала, что у нее, возможно, анемия – типичный недуг для женщин, рожавших так много раз. Вероятно, зубов у нее тоже не хватало.

– Надеюсь, у вас с мистером Тилсоном все хорошо? – Она кивнула. – И у ваших детишек. Верно ли я понимаю, что Господь благословил вас не единожды и не дважды?

– У меня одиннадцать детей.

– Вы выглядите столь юно, мадам, что поверить в это очень сложно. Они, наверное, все еще очень малы. – Ей повезло, что она вообще осталась жива: роды в эту эпоху были русской рулеткой. Трое из пяти братьев Джейн Остен лишились жен из-за осложнений в процессе родов – трагический, но обыденный расклад.

Я потрогала едва заметную выпуклость на плече, куда незадолго до отправления мне установили гормональный имплант. Я настояла на самой сильной модификации, которая полностью блокировала не только овуляцию, но и менструации, поскольку была не готова в условиях катастрофического отсутствия тампонов иметь с ней дело в мире, где носили тонкую одежду светлых оттенков. Как женщины с этим справлялись?

– Джорджу, моему старшему, шестнадцать, а малышке Кэролайн-Джейн – всего два.

– От всей души за вас рада. Полагаю, все здоровы?

– Бедняжки Уильяма – ему было шесть – нас лишила удушающая лихорадка. – Речь шла о дифтерии – за всю свою жизнь я не встречала ни одного случая и была бы рада узнать о ней больше, но миссис Тилсон продолжала: – А крошка Джорджиана, милый ангел, прожила всего пару дней.

– Соболезную вам.

В глазах у миссис Тилсон стояли слезы, она старательно их смаргивала.

– Но все остальные веселы и крепки.

– Должно быть, в вашем доме всегда царит оживление, – сказала я.

Разговор зашел в тупик. Как бы перевести его на Джейн Остен?

– Полагаю, вы уже давно знакомы с мистером Остеном.

– О да. Мистер Тилсон работает с ним в банке. Они знают друг друга вечность.

– К тому же вы соседи – какая удача. С его родными вы тоже знакомы?

– Его младшая сестра, к которой все мы очень привязаны, довольно часто бывает в городе. С тех пор как умерла жена мистера Остена, она старается поддерживать в нем бодрость духа. – Миссис Тилсон помолчала. – Впрочем, духом он и не падает. Его стойкость восхищает. Но как он обожал миссис Остен! И детей у них не осталось – очень печально.

– Действительно, очень печально.

Мы почтили сей скорбный факт молчанием.

– И эта его сестра, стало быть, не замужем, если она может позволить себе навещать в город, когда пожелает?

– Да. Она живет с матерью и старшей сестрой в Гемпшире неподалеку от еще одного их брата, весьма состоятельного человека. Это ему принадлежит коттедж, в котором они жи-

вут, – прелестное, уютное местечко, насколько мне известно.

– Я не знакома с английскими традициями – это считается необычным? То, что леди живут отдельно?

Миссис Тилсон задумалась.

– Это не считается неподобающим, но средств на такую жизнь достает очень немногим. И в семье обычно есть холо- стьяк или вдовец, которому нужна помощь в содержании до- ма – как в случае у вас с братом. – Она помолчала. – Я ду- маю, они вполне довольны своей жизнью.

– Неужели? – Я попыталась изобразить вежливый интерес вместо безумного любопытства, надеясь, что миссис Тилсон раскроет тему, но она не ответила. – Каковы они в общении? Очаровательны, как мистер Остен?

Ее острый взгляд дал мне понять, что я сболтнула лиш- него.

– Да. Старшая сестра более замкнута, а в младшей есть та же беспечность, какая присуща мистеру Остену. Но вы увидите это своими глазами: она скоро приедет в город. Изящная барышня. Ловкости ей не занимать.

– Ловкости в чем?

– Во всем. Ловкости с иглой, ловкости пера и ловкости ума. – Миссис Тилсон заговорила тише: – Она, знаете ли, романы пишет. Это считается большим секретом, и на вся- кий случай она публикует их под чужим именем. Но ее брат рассказывает об этом всем подряд, поэтому не страшно бу- дет и вам об этом узнать. Я не любительница читать романы,

но даже я получила от них удовольствие.

– Интересно, доводилось ли мне с ними сталкиваться. Как они называются?

Миссис Тилсон перечислила три уже опубликованных на тот момент романа. С непритворной радостью я сообщила ей, что все три добрались до Ямайки и привели меня в восторг.

– Подумать только, я познакомлюсь с той, что их написала! Я и мечтать о подобном осмеливалась, когда решила переехать в Лондон.

– Но, прошу, не упоминайте, что вы знаете об этом, мисс Рейвенсвуд, не заводите об этом беседу. Пусть она сама поднимет эту тему, если пожелает, – таков мой вам совет.

– Я, разумеется, понимаю. Интересно, а она... Писательница! О, какая же она, мадам?

– Совершенно не похожа на синий чулок, что не поднимает носа от бумаги. Она весьма элегантно мыслит. И умеет управляться с детьми. – Пауза. – Ее сестру я знаю хуже – вот она как раз из тех, в ком можно было бы заподозрить страсть к писательству.

– Почему?

– Непростой характер, – только и объяснила миссис Тилсон. – Впрочем, она тоже вызывает у меня огромное почтение – весьма набожная леди. Чудесное семейство – все они. Двое братьев служат на флоте, знаете ли, еще один – в церкви. А одного усыновили дальние родственники – чтобы он

мог унаследовать их состояние. – Она чуть помолчала, затем подалась вперед и коснулась моей руки. – Дорогая мисс Рейвенсвуд! Как же я рада нашему знакомству.

Она поднялась, поэтому встала и я. Провожая ее к выходу, я бросила взгляд на часы – прошло двадцать минут, идеальный отрезок времени для подобного визита. Миссис Тилсон была уже почти за порогом, когда я вспомнила, что не спросила, занята ли она в следующий вторник.

– Ужин? – Лиам опустил чашку с чаем. – На следующей неделе? Ты уверена?

– Миссис Тилсон уже подтвердила, что они с мужем будут, так что выбора нет.

– Маловато времени для того, чтобы все спланировать.

– Миссис Смит тоже так сказала. Но потом передумала. – Я удержалась от замечания о том, что вся работа ляжет на плечи миссис Смит, а Лиам только и знает, что предъявлять возражения. – Времени у нас в обрез. – Он не ответил, и я сочла молчание знаком согласия. – Кстати, знаешь, кого нам не хватает? Лакея. Займешься поисками?

И прислуга, и наниматели давали объявления в газеты – именно так мы и нашли своих трех слуг; существовали также бюро найма, но им доверия не было. Дженкса, миссис Смит и Грейс мы выбрали сообща: устроили несколько собеседований с кандидатами, как только сняли дом на Хилл-стрит, где мебель все еще была затянута белыми чехлами от пыли. Но теперь, когда я уже немного освоилась в законах, по кото-

рым работал этот мир, стало ясно, что в этом вопросе существует определенное разделение труда. Мужчины нанимали слуг-мужчин: конюхов, дворецких, лакеев. Женщины нанимали горничных, судомоек и прачек.

– Я собирался разобраться с экипажем.

– Это может подождать. – Мы так и не обзавелись коляской и лошадьми, необходимыми для того, чтобы изображать мелкопоместное дворянство. – Но за ужином без ливрейного лакея нам не обойтись.

– Думаешь?

– Хочешь, чтобы один Дженкс всех обносил? Сомневаюсь. – Дженкс был хмурым типом среднего роста с северным акцентом и недовольством в голосе, которое приберегал исключительно для меня. Все мыслимые обязанности слуги, от поддержания в порядке одежды Лиам до хранения ключей от винного подвала, он исполнял медленно и нехотя. – Он целую вечность убирает со стола, даже когда нас только двое. Представь, что будет, когда людей прибавится, а блюд станет втрое больше. – Подключить к делу Грейс я не предлагала: женщина, прислуживающая за ужином, – это признак бедности. – Прогуляйся до той кофейни, где самый большой выбор газет, и посмотри объявления.

– Угу. – Лиам подлил себе чая.

– И выбери того, что повыше. – Лакеи указывали в объявлениях свой рост – маркер статуса их нанимателей. Иметь пару привлекательных высоких лакеев примерно одного ро-

ста считалось особенным шиком, хотя для хозяйства нашего масштаба двое лакеев явно были бы излишеством.

– И посимпатичнее? – пробурчал Лиам, и я подумала, что у него, возможно, все-таки есть чувство юмора.

Через пару часов к нам неожиданно заглянул Генри Остен, чем весьма меня удивил. Наудачу заехал по пути домой из банка, объяснил он, поскольку у него с собой была книга, которая, по его мнению, должна понравиться нам с братом...

– Как любезно с вашей стороны вспомнить о нас. Что это за книга, сэр?

Мы были в гостиной – стояли у одного из продолговатых окон, выходящих на улицу. Он застал меня одну; Лиам так давно отсутствовал, что я уже начала волноваться.

– А-а, – протянул он, – это уже не новинка, она вышла несколько лет назад. И все же я понадеялся, что там, на островах, вам не доводилось о ней слышать и что я, возможно, буду тем, кто вас с ней познакомит.

– Вы положительно загадочны.

Оставаться наедине не возбранялось, однако было в этом нечто будоражащее: атмосфера в комнате стояла звенящая. Казалось, он едва ли не стесняется меня, что сильно контрастировало с его поведением накануне.

– Я – сама противоположность загадочности. Боюсь, даже простейшее из существ. – Все это время он прятал книгу за спиной и наконец вручил ее мне – томик среднего разме-

ра, переплет из телячьей кожи. – Это всего лишь роман, – со смешком добавил он.

– *Всего лишь* роман? – Я повертела книгу в руках, думая, как лучше отреагировать. – А-а, «Гордость и предубеждение». – Признаться, что я ее уже читала, и испортить ему удовольствие? Но что, если сейчас я притворюсь, что вижу эту книгу впервые, а миссис Тилсон потом разоблачит мою ложь? Создается ли он, что роман написала его сестра? – Но это ведь только первый том.

– Если вам понравится, я найду для вас еще два.

– Я уже знаю, что он мне понравится. – Я подняла на него взгляд. – Буду с вами честна, мистер Остен, я прочла этот роман еще на Ямайке. – Его лицо исказила гримаса разочарования, которая пропала, как только он услышал следующие мои слова: – И пришла в полный восторг. В моем экземпляре завелись чешуйницы, и мне пришлось оставить его там. Я очень, очень рада новой встрече с этой книгой. Она мне как давний друг. – Я прижала книгу к груди; его глаза расширились, и я засомневалась, не переусердствовала ли, но пути назад уже не было. – В ней столько мудрости, столько остроумия и в то же время столь прозрачная мораль! Я думаю, написала его совершенно выдающаяся личность.

Глаза у Генри Остена сияли, даже челюсть немного отвисла.

– Скажите, как по-вашему, его действительно написала «Леди»? Не в упрек представительницам моего пола, но есть

подозрение, что вышел этот роман из-под пера мужчины. Такая в нем присутствует сила, такая величественность – и в то же время такая легкость!

Он не сразу обрел дар речи, но в конце концов все же выдал:

– Я могу с уверенностью заявить, что создательницей его действительно является леди.

– С уверенностью? – поддразнила я его. – И откуда же такая уверенность?

Он поколебался, затем глупо улыбнулся, покраснел, но так и не ответил.

– Если вам доводилось встречаться с нею и обсуждать с ней ее творения, то я, возможно, поверю...

– Прошу, ни слова больше, иначе я не сдержусь и наговорю лишнего.

За время беседы расстояние между нами сократилось, словно мы были двумя планетами, которые неумолимо притягивало друг к другу. Он воздел ладонь с вытянутым указательным пальцем, замер, будто собираясь сделать что-то еще, а затем, к моему изумлению, прижал этот самый палец к моим губам, словно ласково веля мне хранить молчание. Наши взгляды встретились, и я вдруг подумала, что ни одна из предварительных тренировок не подготовила меня к этому моменту, что от внимательного чтения работ его сестры и ее современников толку тоже было мало. Приоткрыв губы, я игриво прикоснулась к его пальцу кончиком языка.

Он задохнулся и убрал руку, и я решила, что совершила промах. Но, когда украдкой взглянула на него, выражение его глаз – изумленное, вождедеющее – сообщило мне об обратном.

– Мисс Рейвенсвуд! – только и сумел произнести он. – Простите меня. Не знаю, что на меня нашло...

– Вам не за что просить прощения, – сказала я, в смятении повернулась к окну и увидела, что Лиам подходит к двери. – Мой брат вернулся. Как он будет рад вас видеть!

– О! И в самом деле.

Мы так и стояли там, чинно и тихо, но чуть ближе друг к другу, чем следовало бы, пока Дженкс открывал дверь и Лиам поднимался по лестнице.

Глава 4

10 октября

Дом 33 по Хилл-стрит

В гостиной я еще раз перебрала все в уме. Малигатони. Утка с горошком. Кролик, тушенный с луком. Вареная говядина. Свекла.

Пирог с овощами. Рагу с грибами. Салат. Копченый угорь. «Малыш-утопленник».

Сухофрукты. Грецкие орехи. Оливки. Рейнвейн. Кларет. Портвейн для джентльменов.

Чай. Кексы.

Бокалы для вина. Столовое серебро. Скатерть.

Генри Остен. Мистер и миссис Тилсон. Мистер Сеймур. Мистер Джексон, вдовец с двумя дочерьми. С последними и мистером Сеймуром мы познакомились за чаем у Генри Остена три дня назад, и я пригласила их к нам на ужин, в очередной раз вспомнив о том длинном столе, обо всех тех стульях. Когда я сообщила миссис Смит, что гостей будет еще больше, она подняла на меня удивленный взгляд, но сказала лишь: «Сделаем, что сможем, мисс». А затем послала сестру за вторым кроликом и еще одним копченым угрем.

– Ты уверен, что я ничего не забыла? – Я расхаживала по комнате, теребя спектронометр, и поглядывала в окно, еле удерживаясь, чтобы не броситься вниз к миссис Смит

за очередной консультацией. Несколько часов назад она выставила меня из кухни – вежливо, но твердо, устав оттого, что я путаюсь у нее под ногами.

– Не забыла, – сказал Лиам, хотя и сам явно нервничал. На нем был новый сюртук, и он то и дело оглядывал себя, будто проверял, ровные ли строчки проложил портной. – Некоторые к экспедициям по Амазонке с меньшей дотошностью готовятся.

В парадную дверь постучали. Я выглянула в окно – внизу стоял экипаж.

Трое Джексонов, двое Тилсонов и мистер Сеймур прибыли раньше Генри Остена. Мы вели светскую беседу в гостиной – во мне все росла тревога о том, не пересохнет ли утка в печи, – и я поразилась, насколько холодно мои гости держатся друг с другом. У меня зародилось подозрение, что ничтожкой, связывавшей их всех, являлся сам Генри, что в его отсутствие им, в общем-то, не о чем было разговаривать. Или здесь все так себя вели? Лиам старательно поддерживал беседу, но к тому моменту, когда Генри наконец явился, его опоздание превратилось в главную тему для обсуждений, а моя тревога разрослась от пересушенной утки до судьбы ужина в целом.

Одет он был, как всегда, элегантно, но имел взъерошенный вид и соответствующее настроение.

– Утомительные и неотложные дела в банке. Я молю вас о прощении. – Они с мистером Тилсоном переглянулись, за-

тем Генри повернулся ко мне и поклонился. – Вас в особенности, мисс Рейвенсвуд. – Мы столкнулись взглядами, и я подумала о нашей предыдущей встрече в этой комнате.

– Вам не за что просить прощения, – сказала я и залилась краской, вспомнив, что ровно теми же словами ответила ему и тогда. Судя по тому, как он посмотрел на меня, его посетила та же мысль. – И к чему выделять меня, когда все мы в равной степени волновались за вас?

– Но ведь это вы даете свой первый ужин в Лондоне. Это вы полнитесь тревогами, не омрачит ли что-нибудь безупречно продуманный вечер или великолепный вкус жаркого.

Я невольно улыбнулась.

– Если я и тревожусь, то исключительно о вас. Мы опасались, что вас постигло некое злоключение.

– Именно за это я и каюсь перед вами. Хозяйку и так занимает тысяча забот, и гостям негоже приумножать их количество.

– Вы здесь – это самое главное. – Мне показалось, что его кожа и белки глаз приобрели желтоватый оттенок, но, возможно, дело было в освещении. – С вашим здоровьем все в порядке, сэр? Вы хорошо себя чувствуете?

– Вы – врач в той же мере, что и ваш брат.

– А может, и в большей. Но вы не ответили на мой вопрос.

– У меня все хорошо, благодарю вас, – только и услышала я в ответ, и тут подошло время садиться за стол.

– Вы завели экипаж! Какая радость!

У джентльменов возникла масса вопросов, отвечать на которые я предоставила право Лиаму, а сама принялась изучать лица гостей, пытаясь понять, нравится ли им угощение – я была так взвинчена, что вкуса еды почти не чувствовала, – и достаточно ли проворен и грациозен наш новый лакей Роберт. Под осуждающим взглядом Дженкса, который отвечал за вино, Роберт быстро убрал со стола после первой перемены, а блюда второй расставил именно так, как я и велела; при этом он был высок и хорош собой – Лиам сделал отличный выбор. Края тарелок были чистыми, без брызг, еда – сносной температуры, и вопреки всему она почти не разварилась. И, к счастью, гости беседовали куда непринужденнее, чем до застолья.

Как хозяйка дома я сидела во главе стола, а Лиам – в противоположном его конце. Гости по традиции сами выбрали, где сесть; Генри умудрился занять место справа от меня. Старшая из сестер Джексон, Элеанор, устроилась напротив него, что меня позабавило и в то же время смутило. Зная о том, что в 1820 году она выйдет замуж за Генри Остена, я не могла отделаться от ощущения, что она уже заметила его. Возраст на глаз я в этом веке определяла с большим трудом, но она, похоже, была плюс-минус моей ровесницей или чуть младше – практически старой девой. Привлекательная, с большими темными глазами и красивым профилем, она то и дело украдкой поглядывала на Генри, из-за че-

го большую часть времени ей приходилось либо переводить свой ледяной взор на меня, либо, отворачиваясь, демонстрировать мне свою изящную шею. Понять, что она из себя представляет, мне так и не удалось: на все свои вопросы я получила максимально краткие ответы. Генри, вид у которого был определенно нездоровый, беседовал со мной, впадая иногда в нехарактерное для него безмолвие под косыми взглядами мисс Джексон.

Я окинула взглядом стол в поисках отдушины. Мистер Сеймур, адвокат и друг Генри, расспрашивал Лиама о юридических формальностях, связанных с освобождением рабов. Ответы Лиама были впечатляюще подробными, но ему никак не удавалось перевести разговор на менее специфическую тему, и с каждым упоминанием рабства лицо миссис Тилсон становилось все более раздраженным и пунцовым. Ее супруг сосредоточился на поглощении еды. Мистер Джексон, человек крупный и добродушный, обсуждал с мистером Тилсоном огораживания¹⁵, а младшая мисс Джексон – Генриетта, миниатюрная барышня с рыжими волосами – бросала восхищенные взгляды то на Лиама, то на мистера Сеймура, надеясь, вероятно, выйти за кого-нибудь из них замуж, вот только грузному мистеру Сеймуру было уже хоро-

¹⁵ Форма ликвидации общинных земель и распорядков в Европе на раннем этапе развития капитализма. С ростом суконной промышленности для выпаса овец – источника шерсти – стало требоваться все больше земель, и феодалы-лорды стали насильно сгонять с участков крестьян. Наибольшего размаха огораживания достигли в Великобритании в XV–XIX веках.

шо за сорок, а Лиам для этой роли не годился по причинам, постичь которые она бы не сумела. Но до чего ужасно быть здесь женщиной, подумала я, осознав, что и сама я, пусть и прекрасно все понимая, мыслю о них исключительно в привязке к мужчинам – к тем, кому они станут женами или о ком могут только мечтать.

Роберт убрал со стола блюда второй перемены, и вскоре после этого подали орехи, сухофрукты и портвейн. Еще чуть-чуть, и подойдет минута, когда мне нужно будет встать и увести дам наверх, в гостиную. Я поймала взгляд миссис Тилсон – она едва заметно кивнула мне и улыбнулась. Поднявшись, я произнесла: «С вашего позволения. Леди», – и тут же пожалела, что не выбрала фразу пооригинальнее, но дамам хватило и этой.

Я совершила еще одну попытку расколоть мисс Джексон, но та вела себя еще холоднее, чем за ужином, что подтвердило мои подозрения – она видела во мне соперницу. Поскольку я была лишена возможности заверить ее в том, что победа в итоге достанется ей, я сдалась и обратила свое внимание на миссис Тилсон. В окружении одних лишь дам она внезапно стала разговорчива и принялась рассказывать мне о своей подруге-аболиционистке, которой пару дней назад выпала невероятная честь познакомиться с Уильямом Уилберфорсом, прославленным членом парламента и борцом против работорговли.

– Каков он в жизни, ваш мистер Уилберфорс? Как ото-

звалась о нем ваша подруга – он приятная персона? Или от него исходит дух фанатичности? – спросила я и тут же зажала рот ладонью. Уилберфорс, как и миссис Тилсон, был истово верующим человеком, одним из возрожденных христиан, чья пылкая набожность часто раздражала людей, не столь одержимых религией. Неужели я только что намекнула, что она тоже фанатичка?

Миссис Тилсон лишь благостно возвела глаза к небу.

– Передать не могу, до чего это великий человек. Он так великодушен, так открыт – и в то же время так высокомерен и благочестив. Так, по крайней мере, сказала миссис Сигрейв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.